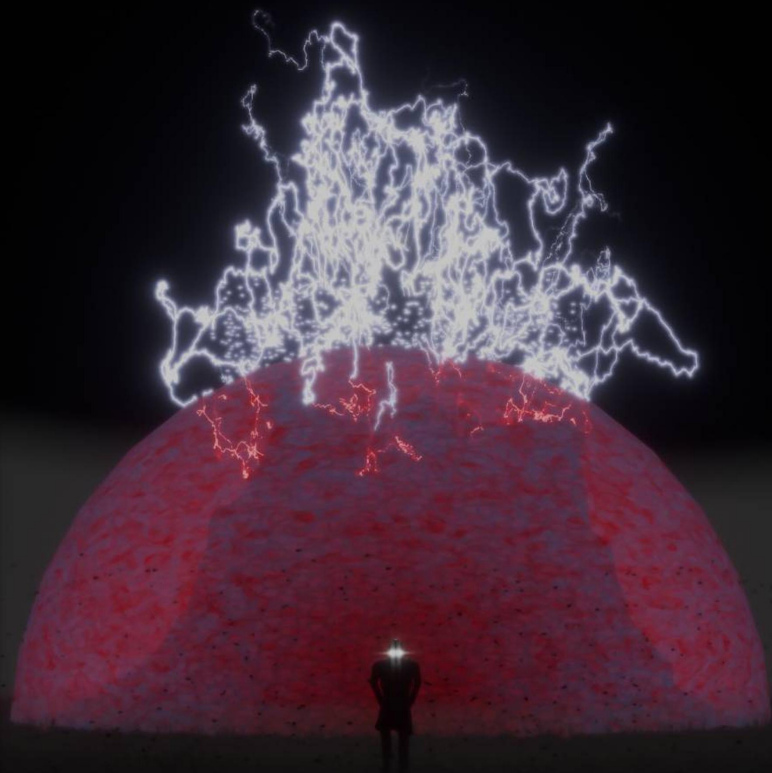

Под Купол

Хроники Маги-Терры

Andrew K.

Andrew K.
Под Купол:Хроники
Маги-терры

<https://litres.ru/74359188>

SelfPub; 2026

Аннотация

Вэйн просто хотел сбежать от серости капиталистического мира, туда где есть настоящая магия. Вместо этого он вступил в армию безумца, вслед за которым идут только самые кровожадные или отчаивавшиеся, — и оказался у подножия купола, пульсирующего разрядами, как живое сердце.

Под куполом лежит артефакт, по легендам способный переписать саму реальность. Вот только чем глубже отряд забредает внутрь, тем яснее становится: нас сюда заманили — и заперли по чьему-то злому и коварному умыслу.

Содержание

Пролог	4
Глава 1. За кого ты?	7
Глава 2. Ничей.	24
Глава 3. Купол не выпускает.	36
Глава 4. Королевство скелетов.	47
Глава 5. Мёртвый вальс.	57
Глава 6. Слово и прах.	65
Глава 7. Плачущие пепельные пустоши.	76
Глава 8. Точка в которой чувства пустеют.	93
Глава 9. Колеблющиеся волны.	104
Глава 10. Тёмная длань.	117
Конец ознакомительного фрагмента.	133

Andrew K.

Под Купол: Хроники Маги-терры

Пролог

Мастер Терру стоял, опустив голову, будто разговаривал с половицами, а не с людьми, и повторял одно и то же, тихо, на грани всхлипа:

— Как он мог пасть?! Самый великий!..

В его голосе было столько неподдельного, детского горя, что даже Иосиф на секунду сбился с крика. Но только на секунду. Потом он снова набрал воздуха и продолжил — перечисляя, будто зачитывал обвинительное заключение трибунала: предательство. Ложь. Десятилетия наигранного патриотизма. Клятвы вечной верности, которые не стоили даже той бумаги, на которой их никто никогда не записывал, — потому что незнакомцу, стоявшему сейчас напротив, клятвы были не нужны. Ему было достаточно, чтобы в него просто верили.

— Ты позволял нам верить в тебя — почти прошептал Иосиф, и от этого шёпота стало страшнее, чем от крика. — Но ты всё предал! Нас и наше будущее!

Незнакомец отрицал всё. Каждое слово, каждое обвинение — спокойно, размеренно, будто не оправдывался, а читал лекцию не слишком способным ученикам. Именно это спокойствие злило Иосифа сильнее любых слов, и когда он наконец шагнул вперёд с занесённой латной рукой — не знаю, ударить он хотел или просто схватить, — Черепоглав оказался между ними быстрее, чем я успел моргнуть, и одним движением отодвинул закованное в броню плечо назад, будто оно ничего не весило.

— Даже не смей трогать пальцем защитника свободы, — сказал он грозным тоном — и этого хватило.

Елена в какой-то момент начала стрелять словами в незнакомца — каждое как на навывлет:

— Почему ты вечно всё от нас скрываешь?! Почему никогда не договариваешь до конца?! Ты нам не веришь!?

Зиг стоял чуть в стороне, стиснув рукоять своего нелепо огромного меча так, будто от этого зависела его жизнь, и всем своим видом старался показать, что вот сейчас, ещё немного — и он вмешается, наведёт порядок, скажет решающее слово, но от него так и не прозвучало ни единого слова.

А я просто сидел и смотрел на тело.

Это было не геройски. Даже не нужно — тело давно никуда не денется, сколько на него ни смотри. Но что-то с лицом было не так весь этот день, и я не мог понять, что именно, — а голоса вокруг меня к тому моменту слились уже в один сплошной гул, в котором никто по-настоящему не слу-

шал никого.

СУТЬ ТОГО, ЧТО БЫЛО СКАЗАНО, БЫЛ НЕ ЯСЕН.

Никто этого не произносил. Во всяком случае, никто из присутствовавших в комнате — в этом я готов поклясться и сейчас. Но именно в этот миг, на самом гребне общего крика, будто прямо из воздуха, прозвучало — и все на долю секунды замолчали, не понимая, что за голос это был и откуда.

Пауза не продлилась долго. Иосиф снова открыл рот, Елена снова подалась вперёд — но договорить никто не успел, потому что где-то в глубине зала с низким механическим гулом пришла в движение дверь. Просто разошлась в стороны у пола и с ровным гидравлическим шипением уехала вверх, снизу вверх, будто поднимаемый занавес, впуская в комнату сквозняк и темноту.

ОН БЫЛ СОВЕРШЕННО НЕ ДЫШИМ!

Этот голос я тоже не смог бы никому описать — только то, что слышал его я один, а может, и все сразу, просто никто в этом так и не признался. В проёме, чёрным силуэтом на фоне ещё более чёрной темноты за ним, стояла фигура, которую никто из нас не звал.

Никто не закончил свою мысль. Никто и не начал бы новую, узнай мы тогда, чем всё это обернётся.

Глава 1. За кого ты?

Наушники приглушали звук ровно настолько, чтобы не слышать, как за перегородкой снова спорят о квартальных показателях, но не настолько, чтобы пропустить момент, когда начальство решит подойти лично. Монитор был поделён на две неравные части: слева — бесконечная лента присланных с мест материалов, справа — счётчик просмотров, который для редакции значил в разы больше, чем всё, что происходило слева.

— Опять всё утро молчишь, — донеслось из-за соседнего стола. Марго, редактор ленты «Мировые новости», единственная в отделе, кто вообще утруждался запоминать имена стажёров вроде меня. — Хоть бы кофе сходил, что ли, Вэйн.

Я поднял два пальца в знак того, что услышал, и вернулся к работе. Отвечать вслух в такие моменты казалось лишней тратой сил, которой у меня и так было немного.

За окном офиса, где-то на сорок третьем этаже одной из башен делового квартала, город тянулся вверх и вниз одновременно: вверх — стеклянными шпилями корпораций, каждый увенчанный светящимся логотипом высотой в несколько этажей; вниз — слоями более старой, более серой застройки, куда солнце, по слухам, не добиралось года с постройки верхнего яруса. Между башнями сновали рекламные голограммы размером с автобус, наперебой пред-

лагая кредиты, диеты и подписки на всё, что только можно вообразить, а по эстакадам, проложенным прямо между небоскрёбами, бесшумно скользили вагоны монорельса, набитые людьми, которые, кажется, давно перестали замечать друг друга. Я иногда думал, что если бы кто-то однажды заменил всех жителей города точными механическими копиями, никто бы этого не заметил — включая, наверное, и меня самого.

Моя официальная должность звучала как «младший модератор ленты», что на человеческом языке означало: сижу восемь часов и решаю, какая из присланных с мест катастроф достаточно фотогенична, чтобы попасть на главную страницу раньше, чем читатель успеет заскучать. Я неплохо справлялся. Безразличие, как выяснилось, отличный профессиональный навык. Многие работодатели его ценят.

В тот день лента жила своей обычной жизнью — тонула в мусоре: скандал одной поп-дивы, очередной перформанс «Демократичного Джо» (тот снова обещал раздать всем желающим личное огнестрельное благословение прямо на границе), сводка с биржи, где акции чего-то военно-промышленного снова росли быстрее, чем что-либо, приносящее реальную пользу. Обычный день конца обычного мира, который мне давно перестал казаться обычным только потому, что я к нему привык.

А потом пришёл файл без подписи, с меткой «срочно» — и я, как последний дурак, открыл его раньше, чем прочитал

сопроводительное письмо.

На фотографии небо было ночным, но неестественно, будто кто-то передержал контраст. Над имперской столицей, на высоте, где обычно летают только птицы и отчаяние, парила фигура — по всем признакам человекоподобная, но неправильная в деталях, которые взгляд улавливал раньше разума. Одет он был в чёрную, струящуюся мантию, руки облегали тёмные латексные перчатки. Голова была абсолютно лысой — ни волос, ни бровей, — а лицо скрывали глухие чёрные очки. Выглядел он до жути похоже на те редкие, полузапретённые иллюстрации мифических явлений, что мне доводилось видеть в архивах, но искажённый, будто отражение в кривом зеркале. В одной руке он держал что-то круглое, всё ещё узнаваемое по короне, всё ещё узнаваемое по лицу, хотя лицо это больше никогда никого не узнает в ответ.

Я досмотрел фотографию до конца, прежде чем понял, что аж задержал дыхание.

Сопроводительное письмо было сухим, деловым, будто речь шла об открытии нового супермаркета: снимок сделан анонимным источником, подлинность подтверждена тремя независимыми экспертами, редакция имеет эксклюзивные права на первую публикацию, требуется заголовок к семи утра.

К семи утра. У кого-то в этом мире только что не стало короля, а у нас был дедлайн.

Фигуру на фото в редакции нарекли «Чёрным Немези-

сом» — звучало загадочно, пугающе и, главное, отлично подходило для заголовков. Именно под этим именем он и войдёт в историю, хотя мы тогда ещё не знали, что это лишь жалкая копия того, кого должен был изображать. Заголовок придумал не я, а не кто с третьего этажа, кто, кажется, ни разу в жизни не был на Маги-Терре и понятия не имел, что «Империя» и «Маги-Терра» не совсем синонимы. Но именно я нажал кнопку «опубликовать». Именно мой палец. Я иногда думаю об этом, когда не могу уснуть.

КОНЕЦ ИМПЕРИИ БЛИЗКО!?

Со знаком вопроса. Всегда со знаком вопроса — на случай если окажется, что нет, не близко, и придётся оправдываться перед юристами.

Дальше был обычный цирк: трафик взлетел так, что серверы на пару минут легли, начальство прислало в общий чат три восклицательных знака подряд, кто-то откупорил на кухне бутылку явно не самого дешёвого — событие, судя по всему, приравнивали к национальному празднику. Я сидел за своим столом, слушал, как коллеги обсуждают биржевые прогнозы на фоне царевубийства, и впервые за очень долгое время отчётливо осознал одну простую вещь: мне нечего было сказать в этот разговор. Ни единого слова. Просто пустота там, где должно быть мнение.

Вечером я не пошёл никуда праздновать рекордный трафик. Вместо этого сидел в своей капсульной квартире — десять квадратных метров, встроенная кровать-трансформер,

которая днём превращалась в стол, и окно, выходящее не на улицу, а в вентиляционную шахту соседней башни.

Я сходил в тесную, похожую на шкаф ванную, помыл руки и поднял взгляд на зеркало над раковиной. Без маски я выглядел как типичный чёрный кот со взъерошенной шерстью на щеках, потухшими, уставшими глазами и слегка опущенными ушами. На мне было старое, выцветшее худи и спортивки — единственная одежда, в которой я чувствовал себя хоть сколько-то комфортно в этом металлическом мешке. Квартира, маска, кот в спортивках — идеальный портрет человека, который не знает, зачем он здесь.

Я вытер лапы и сел на кровать...

На фоне гудел старый плоский телевизор, купленный кем-то до меня и оставленный прежним жильцом капсулы — единственная вещь в комнате, которая мне не принадлежала, кроме, разве что, фотографии чужого кота на тумбочке, которую я всё-таки не выбросил, хотя кот на ней никогда мне и не принадлежал. На экране, отодвинув в сторону обычную вечернюю сетку, шла экстренная трансляция: Сенатор, бессменный глава Союза Капиталистических Республик, вышел к прессе лично — редкость, которую, судя по количеству мигающих камер в кадре, никто из журналистов не хотел упустить.

Внешне Сенатор всегда производил на меня странное впечатление: маленький, кругленький, покрытый идеально ухоженной серо-белой шёрсткой джунгарский хомячок, втисну-

тый в смокинг явно ручного пошива, и старомодные круглые очки с зеленоватыми стёклами, из-за которых его и без того крошечные глазки казались совсем невидимыми. Говорил он всегда медленно, с расстановкой, будто каждое слово стоило отдельного счёта в банке.

— Союз, — произнёс он, сложив лапки перед собой на трибуне, — с прискорбием следит за трагическими событиями на Маги-Терре. Мы хотим заверить наших имперских партнёров: Союз Капиталистических Республик и Империю связывают давние дружеские узы, мне очень жаль за смерть короля Магнума, и мы готовы предоставить любую необходимую помощь в поимке виновного.

Кто-то из журналистов выкрикнул вопрос о том, не связана ли недавняя волна атак G.U.N.S. с происходящим. Сенатор выдержал паузу, идеально откалиброванную под нужную длину для вечернего эфира.

— Это два совершенно не связанных между собой вопроса, — сказал он, и его зелёные очки на секунду поймали блик камеры так, что стало не разобрать, куда именно он смотрит. — Следующий вопрос.

Я выключил телевизор раньше, чем он успел ответить на следующий. Просто я уже откуда-то знал, что второго честного ответа за вечер не будет.

Через три недели редакция начала «оптимизацию издержек» — процедуру, которая в СКР случалась с той же регулярностью, что и экономические спады после атак G.U.N.S.

несколькими годами ранее: рынок так толком и не оправился, и каждые несколько месяцев кто-то наверху находил повод всем об этом напомнить. Меня не сократили одним из первых. Не сократили и вторым. Когда очередь дошла до меня, я, признаться, испытал что-то похожее на облегчение — наконец-то решение, которое не пришлось принимать самому.

Надев маску и стоя с картонной коробкой личных вещей на ступеньках офиса, я подумал: а какого, собственно, чёрта я вообще тут делаю. Не в офисе. В жизни в целом.

Ответа не было. Но был билет на Маги-Терру, который я купил тем же вечером, ещё не до конца понимая зачем — кроме смутного ощущения, что там, где ещё и магия работает, а не только алгоритмы вовлечённости, у меня, возможно, получится наконец почувствовать хоть что-то своё.

Маги-Терра встретила меня не так, как встречают героев в старых сказках — без фанфар, зато с иммиграционным чиновником, который долго вертел в руках мой паспорт СКР, будто впервые видел документ без единой магической печати, и наконец спросил, без особого интереса: «Цель визита?» Я честно ответил: «Познать себя». Он записал в графу «туризм» и махнул рукой, пропуская внутрь.

Первую же остановку почтового дилижанса — небольшой, шумный и на удивление гостеприимный городок по имени Инчип — который я так и не покидал следующие два с лишним года. Ждать следующего дилижанса попросту не

было сил, а потом как-то незаметно расхотелось.

Ещё в самом дилижансе, пока я трясся по разбитой дороге в компании курицы в клетке и молчаливого торговца тканями, я услышал первую версию легенды, которая потом будет преследовать меня ещё очень долго: где-то далеко на юге, под непроницаемым куполом, скрыта пещера с артефактом такой силы, что нашедший его сможет переписать сам порядок вещей во всём мире. Торговец рассказывал это с той же интонацией, с какой в СКР рассказывают о выигрышных лотерейных билетах, — явно не веря ни единому слову, но и не упуская случая пересказать историю в сотый раз. Я тогда посмеялся про себя и благополучно забыл об этом на добрых два года.

Первые недели я привыкал к тому, что здесь всё будто чуть громче, чем должно быть: краски, запахи, обычный уличный торговец способен зажечь костёр щелчком пальцев просто потому, что ему было холодно. Я, человек без единой капли магии в крови — что, как быстро выяснилось, здесь редкость почти на грани диковинки, — чувствовал себя туристом на чужом празднике, куда меня пригласили по ошибке.

Довольно быстро выяснилось и то, что моя маска — не самый нейтральный аксессуар, каким она казалась дома. В первую же неделю ко мне на улице подошла пожилая горожанка (кем бы она ни была по расе — то ли барсук, то ли просто крупная полёвка, я так и не разобрался), всплесну-

ла лапками и с восторгом запричитала, что не видела живо-го Белолицего Заступника аж с прошлого урожайного празд-ника, а затем, не дожидаясь ответа, попыталась всучить мне пучок сушёных трав «для благословения дома». Отказаться было практически невозможно — травы всё равно оказались у меня в кармане куртки ещё до того, как я успел сформули-ровать возражение.

К концу месяца я уже знал, что местные считают белую улыбающуюся маску символом какого-то полузабытого ве-сеннего божка, чьё единственное упоминание в летописях сводилось к фразе «приходит без приглашения и уходит без прощания» — что, признаться, было пугающе точным опи-санием и моей собственной жизни на тот момент. Каждый раз, когда я выходил из дома, кто-нибудь обязательно кла-нялся мне вслед, оставлял на подоконнике мелкую моне-ту или просил благословить свежееиспечённый хлеб. Отка-зывать я быстро перестал ибо, как выяснилось, бесплатный хлеб отказа не стоит.

Мастера я для себя нашёл — а если быть точным, это он нашёл меня, спящим на его тренировочной площадке в тре-тьем часу ночи, потому что более пристойного жилья я тогда ещё не подыскал. Это был обычный, немолодой, ворчливый инструктор с собственным залом на окраине Инчипа. Взял он меня в ученики взамен на уборку зала и хлеб, что было невероятно выгодно для него же.

Настоящее открытие случилось довольно случайно, на ис-

ходе первого года, во время очередного спарринга, когда мастер, воспользовавшись тем, что я в очередной раз засмотрелся на что-то за его плечом, впечатал меня в тренировочный мат с такой силой, что на секунду мир вокруг подёрнулся странной, будто выцветшей рябью. И в этой ряби, ровно на долю мгновения, я увидел на его плече едва заметную, будто нарисованную мелом точку — маленькую трещину в его защитном напряжении, о существовании которой сам мастер, судя по всему, даже не подозревал.

— А если сюда? — спросил я, ударив ладонью прямо туда, всё ещё лёжа на спине.

Мастер охнул куда громче, чем того требовал сам по себе тычок пальцем, и уставился на меня так, будто я только что предсказал завтрашнюю погоду с абсолютной точностью.

— Ты откуда знал... что у меня там больное место?

А я не знал. То есть — не знал, пока не увидел. С того дня я начал замечать эти отметины на ком угодно: тонкие, едва уловимые точки, куда любой удар отзывался не обычной болью, а чем-то куда более разрушительным. На магию это было не похоже — мастер, тщательно меня прощупав в тот же вечер, подтвердил, что во мне по-прежнему не было ни капли той силы, которую здесь Воины копят в собственном теле, наращивая мощь удара и стойкость, или которую Волшебники выплёскивают наружу заклинаниями. Что бы это ни было, оно жило не в крови и не в дыхании, а где-то в глазах — и с тех пор оставалось единственным, в чём я был

объективно, неоспоримо хорош.

В паре кварталов от додзё располагалась кузница — точнее, целый маленький культ вокруг кузницы, потому что её хозяином был Тяпа: невысокий, кажется, кобольд, или не кобольд, короче что-то очень похожее на маленькую антропоморфную собаку с вечно перепачканной в саже шерстью и добрейшими, вечно слегка виноватыми глазами. Ростом Тяпа едва доходил взрослому человеку до пояса, и весь Инчип, кажется, давно смирился с тем, что без посторонней помощи с верхних полок собственной мастерской ему было не достать. Помогали ему, впрочем, охотно и даже с некоторым восторгом: то кто-то из соседей подхватит его подмышки, чтобы дотянуться до верхней балки, то целая очередь покупателей выстроится, чтобы по очереди опуститься на одно колено и послужить ему живой ступенькой на пути к особо важному инструменту. Тяпу это, кажется, совершенно не смущало — он воспринимал это как естественную часть городского быта, а не как унижение.

Я, разумеется, не удержался и как-то напросился попробовать себя в роли кузнеца — по большей части от скуки. Тяпа великодушно вручил мне молот, который на вид весил не больше обычной сковороды. Через три удара по раскалённой заготовке я понял, что ошибался как минимум вдвое. Тяпа, до того молча наблюдавший за моими потугами с вежливым интересом, наконец подошёл, без всякого видимого усилия забрал у меня молот одной лапой и закончил заготовку за

четыре точных, экономных удара — не переставая при этом вполголоса напевать себе под нос какую-то, судя по мотиву, детскую песенку.

— Сила не в руках, — сказал он мне потом, протягивая полотенце для вытертых в сажу ладоней, тоном, каким обычно делятся страшной тайной. — Сила в том, чтобы бить туда, куда нужно, а не куда получится.

Целый город души не чаял в Тяпе именно потому, что он позволял им быть нужными — маленькая, добрая, ежедневная традиция коленопреклонения перед прилавком, которая почему-то не унижала никого из участников. И именно поэтому то, что случилось спустя месяц, стало для Инчипа настоящим потрясением.

Кто-то — по слухам, кузен Тяпы, гном по имени Кроп, специализирующийся на зачарованной мебели, — решил однажды сделать доброе дело и подарить Тяпе настоящую стремянку. Крепкую, удобную, с широкими ступенями и нескользящим покрытием. Весь город, узнав об этом, отреагировал крайне неоднозначно: с одной стороны, за Тяпу искренне порадовались — наконец-то ему не придётся зависеть от чужих плеч и колен. С другой стороны, по Инчипу прокатилась почти незаметная, но вполне ощутимая волна тихой печали: город явно терял часть себя вместе с этой стремянкой.

Стремянку установили в мастерской в четверг. А в пятницу утром, едва Тяпа успел открыть ставни, в кузницу ворвал-

ся неизвестный — судя по описаниям очевидцев, крупный, решительно настроенный тип, — и на глазах у опешившего кузнеца принялся методично разносить новенькую стремянку в щепки, используя при этом до странности узнаваемые борцовские приёмы: подсечку, суплекс, а под конец, для верности, локтевой добивающий удар прямо в самый центр верхней ступени. Тяпа, по словам свидетелей, всё это время тихо плакал в углу — но, что удивительно, никто из немногочисленных зрителей и не подумал вмешаться раньше времени. Более того — когда стремянка окончательно превратилась в грудку щепок, кузница взорвалась совершенно неуместными в такой ситуации аплодисментами.

Виновника, впрочем, всё равно пришлось ловить и сдавать страже — таков был порядок, и никто не собирался его нарушать, сколько бы благодарности к нарушителю город ни испытывал в глубине души. Настоящая же неожиданность выяснилась только на допросе: Кроп, автор злополучной стремянки, узнав о случившемся, не выказал ни капли возмущения — напротив, был искренне заинтригован.

— Не понимаю, как у него вообще получилось, — пожал он плечами, разглядывая обломки. — Я же наложил на неё чары самовосстановления. Она должна была срастаться заново раза три-четыре подряд, прежде чем сдаться окончательно.

Стремянку, по слухам, так и не восстановили. А Тяпа как ни в чём не бывало вернулся к своей привычной, коленопре-

клонённой системе логистики — и, кажется, был этому только рад.

От себя добавлю ещё одну историю — она случилась чуть позже, ближе к середине второго года. При местном трактире раз в сезон устраивали любительский театр — событие, судя по всему, куда более серьёзное для Инчипа, чем любые государственные праздники, — и его бессменная постановщица, дородная тётушка-огр по имени Марфина, однажды застала меня проходящим мимо афиши с объявлением о недостающих актёрах и, не дав мне и рта раскрыть, заявила, что человек в столь выразительной маске просто обязан играть Безликого Странника — персонажа, которого, по её признанию, за всю историю театра ни разу толком не могли сыграть, потому что ни у кого в труппе не находилось подходящего лица. Точнее, отсутствия лица.

Отказаться я, как обычно, не сумел — Марфина обладала голосом, способным, кажется, останавливать движение экипажей одной интонацией. Так я и оказался на сцене трактирного зала перед тремя рядами зрителей, произнося реплики персонажа, чей текст состоял в основном из многозначительных пауз и одной финальной фразы на весь спектакль. Пьеса, если начистоту, была откровенно слабой — сюжет о заблудившемся принце и говорящей мельнице я так толком и не смог связать в единую логичную историю даже после трёх репетиций. Но когда в свой единственный выход я наконец произнёс эту самую финальную реплику — «Дорога закан-

чивается там, где ты решишь остановиться» — зал, вопреки всем моим ожиданиям, разразился совершенно искренними, немного пьяными, но настоящими аплодисментами.

Я стоял тогда на этой скрипучей сцене в маске, за которой никто не видел моего лица, и, кажется, впервые за очень долгое время чувствовал себя не статистом в чужой жизни, а кем-то, кого — пусть на пять минут, пусть только в роли — действительно ждали.

Внезапно в казалось бы самый спокойный день донеслись дурные вести. Слухи о войске Шанкса добрались до Инчипа раньше, него самого. Говорили разное: что он объявил войну всем государствам Маги-Терры разом, едва весть о гибели Магнума облетела континент; что его армия растёт с каждым днём, потому что присоединиться к сильнейшему проще, чем сопротивляться ему; что где-то на горизонте уже видели марширующую колонну, растянувшуюся на несколько миль, а над ней — фигуру в мраморных доспехах центуриона, чей меч, по слухам, становился опаснее с каждым нанесённым ударом.

Я пошёл посмотреть из любопытства, да и к тому же мастер в тот день закрыл зал раньше обычного, а весь город, кажется, стянулся на главную площадь одновременно, и мне было, откровенно говоря, скучно сидеть одному и слушать, как в голове прокручивается одна и та же дюжина мыслей по кругу.

Вербовщики — двое в потрёпанных плащах, с эмблемой,

которую я тогда ещё не умел толком расшифровать, — работали методично, почти скучающе, будто фильтровали не будущих солдат, а овощи на рынке. Вопрос у них был один и тот же, ко всем подряд, без разбора возраста, расы и явных магических способностей:

— За кого ты?

Люди отвечали по-разному. Кто-то с гордостью называл своё королевство. Кто-то, наоборот, спешно клялся в верности Империи, а ещё кто-то даже клялся в непогрешимости и вечной верности некому Люциу Светлому. Тех, кто называл сторону, вербовщики благодарили — и отпускали, вежливо, но однозначно.

Когда очередь дошла до меня, я честно не сразу понял, что мне вообще что-то сказали, — маска слегка приглушает звук, а я в тот момент разглядывал носки собственных кроссовок. Один из вербовщиков повторил вопрос уже с лёгким раздражением.

— За кого ты?

Я пожал плечами.

— Ни за кого, наверное.

Не было в этом ответе никакой стратегии, никакого расчёта — чистая, неприкрытая правда человека, у которого физически не осталось ни одной стороны, за которую хотелось бы умирать. СКР меня выбросил, как использованную упаковку. Маги-Терра меня терпела, но своим не считала. Империя, Республика, королевства, культы — всё это были чу-

жие декорации чужого спектакля, и в нём я был максимум статистом без реплик.

Вербовщики переглянулись — и, кажется, впервые за весь день, слегка оживились.

— Отлично, — сказал один. — Такие нам и нужны.

Так я узнал, что войску, которое собирается покорить весь мир, идеальные солдаты не те, кто предан какой-то стороне. Идеальные солдаты — те, кому больше некуда идти.

Я поправил маску — хотя поправлять там было особо нечего — и пошёл вслед за остальными новобранцами туда, куда указывали вербовщики.

Тяпа, узнавший об этом только на следующий день прибежал на общий сбор, неодобрительно покачал головой и сказал, что бить нужно туда, куда нужно, а не куда позовут. Мне, признаться, было нечем ему возразить.

Глава 2. Ничей.

Лагерь Шанкса встретил меня не так, как я представлял себе войско, готовящееся завоевать весь мир. Я, признаться, ожидал ровных рядов палаток, дисциплины, флагов с единым гербом. Вместо этого передо мной раскинулось нечто среднее между табором и барахолкой после землетрясения.

Здесь были воины всех мастей и рас, каких я и представить себе не мог, сгрудившиеся вперемешку без всякой видимой системы: закованные в латы мечники точили клинки бок о бок с полуголыми топорниками, бормочущими себе под нос перед сном; лучники проверяли тетивы, сидя на ящиках рядом со стрелками, чьё оружие — от древних мушкетёнов до чего-то, отдалённо напоминающего короткоствольные пушки, — было разложено на брезенте с почти ритуальной аккуратностью, будто это было единственное, что эти люди по-настоящему уважали в жизни. Чуть в стороне сидели монахи в скромных рясах, беззвучно перебирая чётки, а рядом с ними — волшебники, чьи узнаваемые по вышитым рунам мантии соседствовали с грубыми доспехами воинов, годами копивших силу внутри себя, а не выплёскивающих её наружу заклинаниями.

Но по-настоящему моё внимание приковал не кто-то из этого разношёрстного сброда, а фигура у самого центрального костра — джунгарский хомячок, точь-в-точь как Сена-

тор СКР, разве что раза в четыре крупнее и укомплектованный тяжёлым оружием, которое он таскал на спине с той же лёгкостью, с какой я таскаю рюкзак. Одет он был в характерный камуфляж и разгрузку — форму, которую я, кажется, узнал бы даже во сне: именно в такой форме выходили в эфир кадры с окраин СКР после очередного налёта группировки, известной в газетах под общим прозвищем «Коммандос». Я тогда работал в редакции и видел эти фотографии десятки раз — размытые снимки с камер наблюдения, сгоревшие блокпосты, короткие сводки о жертвах, которые никогда не попадали дальше третьей страницы. И вот теперь один из них — а может, и сам оригинал, давший имя всей группировке, — сидел в паре десятков метров от меня, точил штык-нож о камень и что-то насвистывал себе под нос.

Палатки, если это вообще было подходящим словом, представляли собой отдельный аттракцион: где-то — обычный брезент на кольях, где-то — самодельные шалаши из веток, а один боец, судя по виду — гоблин с явно преступным прошлым, и вовсе обходился без палатки в привычном смысле: он доставал из кармана куртки миниатюрный домик, ставил его на землю, произносил короткое заклинание — и жилище разворачивалось до вполне жилых размеров, полностью меблированное, судя по доносившемуся из окна запаху, украденной откуда-то посудой. Рядом громоздились ящики с припасами, на боках которых угадывались полустёртые чужие гербы — судя по всему, не одного и не двух разграблен-

ных караванов.

Наутро лагерь поднял не горн и не команда, а сама тишина, разлившаяся по нему в одно мгновение, будто кто-то одним взмахом руки выключил звук. Я не сразу понял, в чём дело, пока не увидел, как весь этот разношёрстный сброд, не сговариваясь, начал стекаться к центру лагеря, туда, где, возвышаясь над толпой на голову, а то и на две, стоял он.

Шанкс стоял неподвижно, пока лагерь стягивался вокруг него плотным полуколыцом, и в утреннем свете его доспехи мраморного цвета казались почти произведением искусства — если бы не смутное ощущение, что произведение это создавалось не ради красоты, а ради того, чтобы внушать страх и уважение. На шлеме, выгравированное с пугающей тщательностью, застыло чужое лицо — безмятежное, спокойное, и от этого ещё более неуместное среди боевого убранства; над ним торчал ярко-красный гребень. А за спиной, закреплённое на манер, какой я видел разве что на старых гравюрах о южных землях, покачивалось знамя-сасимоно — высокое, в половину его собственного роста, полотнище которого я так толком и не разглядел в утренней дымке.

Он развернул свиток — массивный, тяжёлый, судя по тому, как двумя руками ему пришлось удерживать древко, — и заговорил, даже не повышая голоса, потому что толпа и без того молчала, ловя каждое слово.

— Король Магнум мёртв, — начал он без предисловий, и лагерь отозвался нестройным гулом, будто эту новость слы-

шали далеко не в первый раз, но каждый раз она бередила заново. — Вместе с ним умерло и последнее подобие порядка, которое ещё держало этот мир на плаву. Бомбославия уже стягивает войска к границам — можете сами догадаться, против кого. Божественная Нация, по слухам, разослала гонцов ко всем своим храмам с приказом готовиться — не к молитве, а к войне. А Звериный Альянс, — тут в его голосе впервые за всю речь мелькнуло что-то похожее на презрение, — прячется по своим норам, надеясь, что если сидеть достаточно тихо, всё как-нибудь само рассосётся.

Он выдержал паузу — достаточно долгую, чтобы все успели переглянуться.

— Мир катится к войне, которую никто, кроме меня, кажется, не готов встретить стоя. Так вот. Пока остальные хоронятся по углам, я пойду и возьму то, что сделает исход этой войны попросту риторическим вопросом.

Он указал куда-то на юг, туда, где горизонт подёргивался едва заметной рябью, которую я тогда ещё не умел толковать правильно.

— Под куполом, там, куда уже которое десятилетие боится соваться даже Империя, лежит артефакт, способный переписать саму суть власти на этой земле. Я иду туда. Кто со мной — идёт добровольно и получит долю в новом порядке. Кто нет — может остаться здесь и ждать, чем закончится война, которую он не выбирал.

Никто не остался.

Мы шли три дня — для отряда, за плечами которого, по слухам, была уже не одна война, это было явно рутинным маршем, а для меня — первым по-настоящему долгим переходом в жизни, после которого я всерьёз задумался, не переоценил ли я собственную физическую форму. На исходе третьего дня горизонт наконец перестал быть просто рябью.

Купол оказался куда огромнее, чем можно было представить по слухам, — прозрачная, слегка красноватая полусфера, упирающаяся, казалось, прямо в небо, настолько высокая, что её верхнюю границу приходилось буквально выискивать взглядом среди облаков. Время от времени по её поверхности пробегали разряды — не хаотично, а будто по некой внутренней логике, которую никто из нас так и не смог разгадать: электрические всполохи срывались с купола в произвольных направлениях, безмолвно ветвясь в небе на несколько секунд, прежде чем погаснуть, будто купол дышал — редко, судорожно. А под ним стояла скалистая гора со входом в пещеру

Внутри мы прошли без единого препятствия — что само по себе показалось мне подозрительным, хотя тогда я ещё плохо понимал, что вообще должно было настораживать в месте, которого до нас, по слухам, избегала даже Империя. Первое, что мы нашли за куполом, — разбитый караван: перевёрнутые повозки, разбросанные по земле ящики и тела. Много тел, судя по остаткам снаряжения — наёмники, причём не из бедных, отправившиеся сюда, видимо, за тем же

самым, за чем и мы, только чуть раньше и чуть менее удачно.

Отряд отреагировал на находку с энтузиазмом, который меня, признаться, слегка покоробил: не прошло и минуты, как половина лагеря уже рылась по ящикам и карманам мертвецов с деловитостью людей, для которых подобные сцены давно стали частью привычного пейзажа.

Я тоже присоединился потому, что стоять столбом посреди мародёрства казалось ещё более неуместным, чем в нём участвовать. По-настоящему чего-то ценного я так и не нашёл — большую часть заслуживающего внимания уже расхватили быстрые руки моих новых соратников. Но у самого края одной из перевёрнутых повозок, наполовину зарытая в грязь, лежала небольшая безделушка, которую я едва не пропустил: полупрозрачный синеватый треугольник размером с половину моей лапки, внутри которого медленно, будто в такт неведомому дыханию, пульсировал крохотный шарик света.

Я и сам не понял, зачем это сделал, — просто наклонился, поднял находку и, прежде чем кто-либо успел заметить, сунул её в карман. Может, потому что она была красивой. Может, потому что впервые за весь этот грабёж мне действительно захотелось хоть что-то взять себе.

Дальше отряд вывел нас на странную, слишком открытую для подземелья местность — ровную, будто выжженную, без единого укрытия, что при других обстоятельствах наверняка насторожило бы кого-нибудь более опытного, чем я. На-

верху, там, где должен был быть свод пещеры, вместо этого оказалось нечто вроде искусственного неба, и именно оттуда, спустя всего несколько минут после того, как мы вышли на открытое пространство, появился отряд Империи.

Они спускались слаженно, отточенным строем, разительно контрастирующим с нашим собственным сбродом, там был страж в своей элитной страже, явно главный остановился ровно на таком расстоянии, чтобы обе стороны могли отчётливо разглядеть друг друга, но ни одна не оказалась в пределах немедленного удара.

— Шанкс, — произнёс он холодно, без единого намёка на приветствие. — Империя не даст тебе забрать то, что здесь лежит.

Шанкс усмехнулся — я услышал эту усмешку даже не видя его лица под шлемом, настолько характерным был звук.

— Империя, — протянул он, — сейчас неспособна даже защитить собственного короля от фотографа. Иосиф ты ещё не понял? Меня не остановить, как и крах вашего....

Договорить он не успел. Земля под ногами дрогнула — не так, как дрожит она от шагов великана или взрыва, а как-то неправильно, будто сама реальность вокруг нас на долю секунды забыла, как удерживать себя на месте. Кто-то закричал. Дальше я помню уже только разрозненные вспышки: слепящий белый свет, ощущение, будто меня разом дёрнули за все конечности в разные стороны, и затем — падение. Долгое, безостановочное падение сквозь темноту, в которой

я не мог разобрать, где верх, а где низ.

Очнулся я лёжа лицом вниз в мелкой, затхлой луже, с гудящей головой и отчётливым ощущением, что каждая кость в моём теле успела хотя бы раз побывать не на своём месте. Для меня, честно говоря, произошедшее только что больше всего напоминало землетрясение: землю тряхнуло, а затем она попросту разверзлась подо мной, и я полетел вниз с высоты, о которой предпочитаю не думать в деталях.

Подниматься пришлось быстро — из трещин в каменной почве на краю лужи ко мне уже тянулись каменные крысы: твари размером с крупную собаку, телом больше похожие на змей, чем на грызунов, если бы не крысиные морды с мелкими острыми зубами и покрывающая всё тело шершавая каменная чешуя. Яда, как выяснилось чуть позже опытным путём, в них не было — что не делало их укусы менее болезненными.

Отбивался я, откровенно говоря, не слишком изящно — никаких эффектных приёмов, никакой видимой логики, просто дикая, паническая мешанина ударов и уклонений, в которой я больше полагался на удачу, чем на два года тренировок. К тому моменту, когда последняя из тварей наконец отступила, зализывая — если у каменных крыс вообще было чем залиживать — рану на боку, я успел собрать на себе внушительную коллекцию порезов, укусов и одну царапину прямо под глазом, опасно близко к тому, чтобы стоять мне этого самого глаза.

Я как раз пытался понять, способен ли вообще идти в таком состоянии, когда рядом со мной опустился на корточки незнакомец — немолодой, судя по голосу, в потрёпанном плаще с капюшоном, скрывавшим большую часть лица. Не говоря ни слова, он положил ладонь мне на грудь, и по телу разлилось тёплое, почти щекочущее ощущение, под которым на глазах затягивались самые глубокие из порезов.

— Спасибо, — выдохнул я, когда боль наконец отступила настолько, чтобы позволить связно говорить. — Серьёзно. Я думал, это конец.

— Не за что, — отозвался он спокойно, откидывая капюшон ровно настолько, чтобы стало видно доброе, изборождённое морщинами лицо. — Ты здесь новенький, я угадал? Расскажи, что случилось.

Я рассказал — всё подряд, не особо задумываясь, потому что после пережитого мне отчаянно хотелось выговориться хоть кому-нибудь: про вербовку в Инчипе, про марш к куполу, про речь про артефакт, про разбитый караван, про то, как земля вдруг разверзлась подо мной. Он слушал внимательно, кивал в нужных местах — ровно до того момента, как я упомянул имя Шанкса.

Его лицо изменилось мгновенно — не то чтобы исказилось, замерло, будто он резко захлопнул дверь, за которой минуту назад ещё было тепло.

— Шанкса, значит, — медленно произнёс он, и в голосе не осталось и следа прежней доброты. — Пойдём. Тут непо-

далёку есть туннель — там безопаснее говорить.

Мне, признаться, стоило насторожиться уже в этот момент. И я этого не сделал по собственной наивности и глупости.

Дальше — провал. Ни удара, ни укола, ни единого ощущения между «пойдём» и темнотой — просто чёрное пятно в памяти, которое до сих пор, как ни старайся, не удаётся заполнить ничем осмысленным.

Очнулся я вверх ногами. В буквальном смысле: привязанный за лодыжки к толстой ветке, покачивающийся в паре метров над землёй, с кровью, приливающей к голове настолько ощутимо, что первые несколько секунд я не мог сосредоточиться ни на чём, кроме этого гула в ушах. Когда зрение наконец прояснилось, я разглядел внизу пятерых: незнакомец из туннеля стоял впереди, скрестив руки, остальные четверо держались чуть поодаль, разномастные, вооружённые кто чем, но безошибочно узнаваемые по общей ауре людей, которым нечего терять.

— Ты не с теми ребятами связался, парень, — сказал незнакомец, глядя на меня снизу вверх с почти отеческим сожалением. — Шанкс. Знаешь, скольким он сломал жизнь, прежде чем стать вашим великим полководцем?

Он кивнул одному из своих — крупному, с целой сеткой шрамов через всё лицо.

— Ему он сжёг склад. Единственное, что тот успел скопить за всю жизнь. — Кивок направо, на женщину с пустым

рукавом там, где раньше, судя по всему, была рука. — Ей оставил вот это на память — просто потому что она встала не там, где надо. — Последний кивок, самый долгий, в сторону молчаливого, ссутулившегося силуэта позади остальных. — А у него Шанкс забрал всю семью. Целиком. За одну ночь.

Незнакомец помолчал, разглядывая меня с высоты своего роста, хотя это я болтался у него над головой, а не наоборот.

— Мы тебя не тронем, — сказал он наконец. — Ты просто попался под руку, а не под клинок. Но передай своему новому командиру, если он тебя вообще ещё вспомнит: мы всё ещё здесь. И мы ждём.

С этими словами вся пятёрка развернулась и скрылась в темноте туннеля, оставив меня раскачиваться на ветке в гордом одиночестве.

Сколько я провисел так, прежде чем сумел дотянуться до собственной лодыжки и хоть как-то ослабить путы, — не знаю. Достаточно долго, чтобы кровь окончательно перестала приливать к голове неприятным гулом и вместо этого превратилась в тупую, размеренную пульсацию где-то за глазами. Достаточно долго, чтобы успеть как следует подумать.

Я думал о том, что меньше чем за сутки успел вступить в армию, о существовании которой три дня назад даже не подозревал, ограбить мертвецов, чуть не сдохнуть от каменных крыс и попасть в плен к людям, чья единственная претензия ко мне заключалась в том, что я оказался не в том месте не в то время. Я думал о том, что на вопрос «за кого ты» ответил

«ни за кого» — и вот, пожалуйста, результат: подвешенный вниз головой человек без единой стороны, за которую стоило бы отвечать хоть перед кем-то.

Я попробовал, как и раньше, дотянуться до собственной лодыжки — но руки предательски дрожали, а перед глазами всё расплывалось от слёз, которые вдруг хлынули и никак не желали останавливаться. Пальцы соскальзывали с узла снова и снова, и с каждой неудачной попыткой хотелось уже не столько высвободиться, сколько просто перестать пытаться хоть что-нибудь делать.

В какой-то момент я оставил узел в покое и просто повис, покачиваясь на ветке, — избитый, вымазанный кровью и грязью человек в маске с чужой нарисованной улыбкой, плачущий в полном одиночестве где-то в недрах подземного царства, о существовании которого ещё утром не подозревал.

Я думал о том, что если это и есть цена за попытку наконец начать жить по-своему — может, стоило оставаться тем, кем был. Никем. Но хотя бы живым, целым и не висящим вниз головой никем.

Развязать путы своими силами, как оказалось, у меня не было ни рук, которые бы меня в тот момент слушались, ни сил на что-либо, кроме как продолжать плакать.

Глава 3. Купол не выпускает.

Не знаю, сколько прошло времени — час, два, а может, и вся ночь, — прежде чем сквозь гул в ушах и собственные, уже давно беззвучные всхлипывания я различил чьи-то шаги. Лёгкие, почти беззаботные, будто их обладателя ничуть не смущала перспектива наткнуться в подземелье на плачущего человека, подвешенного вниз головой.

— Ну и ну, — произнёс голос откуда-то снизу, звучный, добродушный, с той характерной простоватой напевностью, которую я потом буду слышать ещё очень, очень долго. — Вот это я понимаю, украшение для дерева. Не самое обычное, но со вкусом.

Я поднял голову — точнее, попытался, учитывая, что вся кровь в моём теле явно решила временно перебраться туда же, — и увидел человека в облегающем бело-сине-чёрном костюме, поверх которого болталось потрёпанное, повидавшее виды ги, подпоясанное простым верёвочным поясом. На голове у него сидела круглая стальная каска, чуть великоватая, судя по тому, как она съезжала набок при каждом движении, а в руках он держал квадратный, отливающий синевой посох с чёрными вставками, которым тут же деловито поддел верёвку, стягивающую мои лодыжки.

— Держись, — сказал он, — а то шлёпнешься мордой в грязь, а лица твоего я ещё толком и не видел.

Он оказался прав дважды: я действительно шлёпнулся, а маска, не выдержав удара о землю плечом, соскользнула с моего лица и откатилась в сторону раньше, чем я успел её поймать.

На секунду стало очень тихо. Я лежал на земле — без маски, без сил, без остатков достоинства, — и щурился на мужчину, который теперь стоял надо мной, разглядывая моё настоящее лицо с нескрываемым, почти детским любопытством.

Затем он молча наклонился и ткнул меня пальцем прямо в нос.

— Бип, — серьёзно сказал он.

Я не нашёл в себе сил ответить что-либо более содержательное, чем молча подобрать маску и, всё ещё лёжа на спине, натянуть её обратно на лицо. Почему-то это показалось мне единственным разумным решением в сложившихся обстоятельствах.

— Вот так-то лучше, — удовлетворённо кивнул он и протянул руку, помогая мне подняться. — Терру. Мастер Терру.

— Спасибо, — выдавил я, отряхиваясь. — Серьёзно. Я там уже примерно распрощался с жизнью.

— Ерунда, — отмахнулся Терру. — Знаешь, сколько раз я сам висел вниз головой на своём веку? Однажды — три дня подряд, между прочим, у одного племени, которое считало, что зрелость мужчины определяется исключительно тем, сколько времени он способен провисеть, не начав жало-

ваться. Я, к слову, продержался дольше всех. Правда, потом неделю не мог смотреть на закат — голова к тому моменту уже привыкла видеть его снизу вверх.

Он произнёс это с таким искренним, будничным энтузиазмом, что я не сразу понял, шутка это или нет. Как выяснилось впоследствии — почти никогда нельзя было понять наверняка.

— Ты как вообще меня нашёл? — спросил я, всё ещё ощущая саднящие запястья.

— О, это отдельная история, — оживился Терру — Иду я себе, никого не трогаю, размышляю о природе бытия — и тут навстречу мне этот синий мужик. Прозрачный такой, весь искрится, а над головой — натуральный нимб из молний, представляешь? Я сперва подумал — местное божество, вежливо поклонился. А он мне и говорит, дружелюбно так: «Там, дескать, твой новый попутчик висит, пойди сними». Я, признаться, удивился — откуда ему знать про попутчиков, которых у меня отродясь не водилось, — но синие светящиеся мужики просто так дорогу не перебегают, я в этом на своём веку успел убедиться не раз.

— А ещё, — продолжил он, посерьёзнев ровно настолько, чтобы я понял: дальше — важное, — он сказал, что у тебя должен быть ключ. От Техно-Башни. И что с его помощью, если верить синему мужику, можно освободить всех, кто застрял под этим куполом.

Я похолодел — и даже не от подземной сырости.

Полез по карманам — сначала спокойно, потом всё быстрее, потом уже откровенно судорожно выворачивая наизнанку всё, что только можно было вывернуть. Синеватого треугольника с пульсирующим шариком внутри не было. Ни в одном кармане. Нигде.

— Пропала, — выдохнул я, чувствуя, как к горлу подкапывает что-то очень похожее на новую порцию паники. — У меня была такая штука... блестяшка, треугольник, с огоньком внутри. Подобрал её у разбитого каравана, а потом... — Я вспомнил пятерых бандитов, туннель, дерево. — Потом меня ограбили. В прямом смысле. Пока я висел.

Терру присвистнул — уважительно, будто услышал не рассказ о краже, а хорошую охотничью байку.

— Ну, значит, будем искать, — сказал он с той же лёгкостью, с какой до этого рассказывал про закат. — Не переживай, дружище. Терру своих не бросает — тем более если своих у Терру, по большому счёту, тоже не водилось отродясь.

Он хлопнул меня по плечу с такой силой, что я едва не полетел обратно на землю, и зашагал вперёд, явно уже прикидывая маршрут.

— Куда идём? — крикнул я ему вслед, торопясь нагнать.

— В таверну, разумеется! — не оборачиваясь, откликнулся он. — Там всегда кто-нибудь да знает, кто кого недавно ограбил. Люди почему-то обожают об этом судачить за кружкой.

Всю дорогу до таверны Терру не закрывал рта — и, к его

чести, ни разу не показался мне утомительным, хотя обсуждаемые им темы менялись с пугающей скоростью: то он рассуждал о повадках каменных крыс («их ошибочно считают родней обычным крысам, хотя на самом деле они куда ближе к змеям — просто с очень скверным характером и склонностью к перееданию камня»), то делился теорией о происхождении купола («одни говорят — древняя ловушка, другие — забытый эксперимент, а мне лично больше нравится версия, что кто-то очень скучающий однажды решил построить себе персональный мир и слегка переусердствовал с системой безопасности»), то вдруг спрашивал меня в лоб, что я вообще забыл в отряде Шанкса — и, получив в ответ уклончивое пожатие плечами, тут же выдавал:

— А, понятно. Из тех, кому идти больше некуда. Таких тут, к слову, большинство. Купол вообще отлично умеет собирать именно таких — не самых счастливых, зато самых сговорчивых.

Именно тогда до меня начало доходить — не одним резким озарением, а постепенно, по кусочкам, как проступает сквозь туман знакомый пейзаж, — одна простая и неприятная мысль. Я так и не видел ни единого выхода за всё это время под куполом. Ни ворот, ни границы, ни намёка на дорогу назад — только пещеры, туннели, разбитые караваны наёмников, которые, судя по всему, тоже когда-то сюда пришли и почему-то отсюда не вышли.

— Терру, — осторожно спросил я, когда впереди уже по-

казались тусклые огни таверны и сгрудившиеся у входа фигуры постояльцев. — А как отсюда вообще выбраться?

Терру на секунду примолк — редчайший случай, судя по тому, как непривычно это выглядело.

— Хороший вопрос, — сказал он наконец, и впервые за всё наше недолгое знакомство в его голосе не было и намёка на привычную бодрость. — Если бы я знал точный ответ, дружище, я бы, наверное, давно уже стоял где-нибудь на солнышке, а не тут, с тобой.

Он двинулся дальше, оставив меня стоять на месте с этим неутешительным откровением, медленно оседающим где-то в груди: похоже, купол не выпускал никого. Включая, судя по всему, и нас.

Таверна оказалась именно такой, какой и должна быть таверна в подобном месте: тесной, прокуренной, битком набитой людьми и не-людьми, которые явно давно уже привыкли к соседству друг с другом чуть больше, чем им хотелось бы. При виде Терру, впрочем, атмосфера в зале ощутимо изменилась — не в лучшую сторону.

— О, опять этот, — донеслось от барной стойки без особого энтузиазма. Кто-то демонстративно отвернулся. Кто-то тихо, но не слишком, вздохнул.

Меня такая реакция откровенно удивила — Терру за то недолгое время, что мы были знакомы, показался мне человеком, которого сложно не любить. Но, судя по всему, местные придерживались другого мнения — и, кажется, дело бы-

ло именно в неизменной, ничем не пробиваемой жизнерадостности, с которой Терру входил в любое помещение, каким бы мрачным оно ни было.

— Терру! — рявкнул грузный бармен, даже не поднимая взгляда от кружки, которую протирал уже, кажется, минут пять. — Мы тут все застряли под куполом с концами, вокруг бродят чёрт знает какие твари, а у тебя опять такое лицо, будто тебе только что вручили именинный пирог.

— Так пирог и правда мог бы кому-нибудь не помешать, так вы ещё рентгеновским зрением как я вижу обзавелись, уважаю! — совершенно серьёзно ответил Терру, ничуть не смутившись, и уверенно направился к ближайшему столику, за которым тут же обречённо закатали глаза.

Несмотря на прохладный приём, дело своё Терру знал туго. Следующий час он методично обходил столик за столиком, расспрашивая всех подряд — про бандитов, про пятёрку, про недавнюю кражу у дерева на юге, — и делал это с таким неумолимым, обезоруживающим упорством, что даже самые неразговорчивые постояльцы в итоге сдавались, лишь бы он отстал.

Крупницы информации мы собирали буквально по слову: кто-то видел похожую компанию неделю назад у реки, кто-то слышал название — «Грязный Ворон», банда, промышляющая как раз такими вот несчастными новичками, забредшими под купол без должной подготовки. Судя по всему, направлялись они на север, к реке, где у них, по слухам, был

временный лагерь.

— Ну вот, — удовлетворённо потёр руки Терру, когда мы наконец выбрались обратно на улицу. — Не так уж и сложно. Люди обожают сплетничать, я ведь говорил.

До реки мы добирались почти половину дня — Терру всю дорогу что-то насвистывал, время от времени останавливаясь, чтобы указать мне на очередной «любопытный факт» о местной флоре, которая, по его уверению, вся была полностью несъедобна, «и это ещё в лучшем случае».

Лагерь «Грязного Ворона» мы нашли раньше, чем ожидали, — и то, что мы там нашли, заставило Терру наконец умолкнуть.

Все пятеро — включая того самого немолодого незнакомца, который совсем недавно подвешивал меня вниз головой, — лежали на земле неподвижно, в гладкой луже собственной крови и по одинаковым, почти хирургически ровным порезам на телах каждого, сразу всё становилось ясно: всех здесь казнили, даже не убили, выполненная быстро, чисто и абсолютно равнодушно.

Терру резко схватил меня за плечо, не давая сделать ни шагу дальше.

— Не двигайся, — тихо произнёс он, и я впервые услышал в его голосе что-то похожее на настоящий, неподдельный страх.

Далеко за рекой, у самой кромки воды, стояла фигура в чёрных, ошетилившихся шипами доспехах, увенчанная де-

монической маской, — неподвижная, будто вросшая в берег. В руках она держала что-то маленькое, поблёскивающее — и у меня внутри всё оборвалось, когда я узнал этот блеск. Синеватый треугольник. Мой треугольник. Он вертел его в пальцах, разглядывая с тем же холодным, отстранённым любопытством, с каким энтомолог разглядывает пойманного жука.

— Терру, это же... — начал я.

— Я уже понял, — оборвал он меня, не отрывая взгляда от противоположного берега. — Рыцарь Тьмы. И поверь мне, через эту реку нам его не достать — а даже если бы и достали, таким, как он, никогда не показываются на глаза просто так. Если он сейчас стоит здесь, у всех на виду, — значит, ему это для чего-то нужно. А что нужно Рыцарю Тьмы, обычно нужно ему одному.

Мы простояли так, не шевелясь, ещё несколько долгих минут, пока фигура на другом берегу наконец не развернулась и не растворилась среди деревьев так же бесшумно, как, по-видимому, и появилась.

Терру выдохнул — судя по звуку, задерживал дыхание он куда дольше, чем я думал, — и медленно опустил руку с моего плеча.

— Ладно, — сказал он наконец, и знакомая бодрость начала понемногу возвращаться в его голос, хотя и не до конца. — Значит, так просто твою блестяшку мы не вернём. Но у меня есть идея получше, чем стоять тут и гадать.

— Какая? — спросил я, всё ещё не в силах отвести взгляд от опустевшего берега.

— Королевство Скелетов, — как ни в чём не бывало объявил Терру. — Тут неподалёку, если срезать через холмы. У меня там знакомый мудрец — старый, ворчливый, но соображает получше многих живых, что забавно само по себе. Уж он-то точно растолкует нам, что такое Рыцарь Тьмы забыл под этим куполом и куда он теперь потащит нашу блестяшку.

Он помолчал ровно секунду, а затем добавил, постучав себя пальцем по подбородку с видом человека, который только что вспомнил нечто важное:

— И ещё чутьё мне подсказывает — а чутьё меня, заметь, редко подводит, — что там мы себе заодно и попутчика нового найдём. Хорошего. Такое, знаешь, тоже иногда чувствуется заранее, как дождь перед грозой.

Я посмотрел на него — , странно одетого мужчину с посохом и в касе набекрень, который двадцать минут назад признался, что боится существа на другом берегу реки, а теперь как ни в чём не бывало предлагал идти в гости к скелетам за советом, — и решил, что за последние сутки повидал уже достаточно всего необъяснимого, чтобы просто довериться.

— Ладно, — сказал я. — Королевство Скелетов так королевство Скелетов.

— Вот это разговор! — просиял Терру и, не теряя ни секунды, зашагал в сторону холмов, снова что-то насвистывая

себе под нос.

Я поправил маску и пошёл следом, стараясь не думать о ровных, будто вычерченных линейкой порезах на телах пятерых бандитов, которые ещё утром держали в страхе как минимум одного напуганного новичка под куполом.

Глава 4. Королевство скелетов.

Холмы закончились так же внезапно, как и начались — дорога выровнялась, уткнувшись в широкое, выжженное до желтизны плато, и именно оттуда, с края обрыва, мы наконец увидели его.

Замок.

Он возвышался вдалеке чёрным, абсолютно монолитным прямоугольником, будто кто-то вырезал часть ночного неба, придал ей форму куба и водрузил прямо на ровную землю. Не было ни зубцов, ни внешних стен лишь одна тёмная как смоль башня небрежная стоящая над гладкой глыбой чёрного камня, молчаще взирающая на окрестности. Вокруг не было ровным счётом ничего: ни деревень, ни торговых постов, ни даже одиноких лачуг — только голая, вытоптанная земля до самого горизонта.

— Терру, — спросил я, когда мы остановились перевести дух. — Если это королевство, то где, собственно, королевство? Где дома? Где жители?

Терру почесал макушку под касой, отчего та съехала набок, и пожал плечами с видом человека, для которого этот вопрос не содержит в себе ровным счётом никакой проблемы.

— Да они ж скелеты, — ответил он так, будто объяснял мне, почему вода мокрая. — Им жильё без надобности. Ни

спать, ни есть не надо. А замок, надо полагать, — это просто гордость ихнего местного короля. Стоит себе, красуется.

Я хотел возразить, что замок, красующийся посреди пустоши, — это скорее признак маниакальности, чем гордости, но прикусил язык. После суток, проведённых под куполом, меня перестал удивлять любой местный архитектурный выбор.

Мы спустились с холма и пошли по направлению к замку. Не прошли мы и сотни шагов, как земля под нашими ногами начала подозрительно вибрировать, а затем с глухим треском раскололась в трёх местах. Из-под земли, осыпая комья сухой почвы, полезли скелеты.

Я инстинктивно дёрнулся к маске, проверяя, на месте ли она, и схватился за первую попавшуюся палку. Но страх быстро сменился недоумением. Скелеты были одеты в потёртые, явно великоватые им латы, на груди которых болтались грубо нарисованные красным символы бубен, а под ними — крупная цифра «2». В руках они сжимали увесистые, но, судя по их неуклюжим замахам, слишком тяжёлые для них булавы.

Терру даже не остановился. Он перехватил свой квадратный посох, чуть развернул корпус и коротко, без замаха, ударил ближайшего скелета прямо в грудь. Тот разлетелся на кучу костей, даже не успев поднять булаву. Второго Терру просто пнул ногой в таз, отчего тот рассыпался, словно картонный домик.

— Двойка, — пренебрежительно хмыкнул Терру, страхи-
вая пыль с посоха. — Число, конечно, почтенное, но для боя
слабое. У них и силы-то самой нет. Это вам не десятка и уж
точно не туз.

Я оглядел разбросанные кости, переводя дух.

— Терру, — медленно произнёс я, разглядывая выпав-
шую из костей бляху с бубновым знаком. — А почему у ске-
летов на броне символика обычных игральных карт?

Терру посмотрел на меня так, словно я спросил, почему
небо голубое.

— Ну так у них король — мастер карт, — ответил он с
абсолютно серьёзным видом. — Вся иерархия у них по масти
и достоинству идёт.

Я открыл рот, чтобы спросить, почему, чёрт возьми, он
не упомянул этот крайне важный и абсурдный факт раньше,
когда только предлагал идти сюда. Но тут же закрыл его. Я
понял, что такая абсурдная деталь, сообщи он мне её зара-
нее, всё равно ничего бы не дала. Она не изменила бы на-
шего маршрута, не подготовила бы меня к виду картонных
рыцарей смерти и уж точно не помогла бы выбраться из-под
купола. Это был просто очередной кусочек безумного мира,
который принимался таким, какой он есть.

Не успели мы сделать и десяти шагов дальше, как дорогу
нам преградил новый персонаж. Из-за придорожного валу-
на, исполненный нелепого, дерганого пафоса, выскочил ске-
лет, одетый в пёстрый, изрисованном звёздами и полумеся-

цами колпак с бубенцами. В одной костлявой руке он держал скипетр с прикреплённым на конце улыбающимся черепом, а в другой — игрушечную булаву.

— Стойте, путники! — провозгласил он гулким, слегка картавым голосом. — Знайте, что в этих землях обитает жестокий похититель! Король силой удерживает в своём мрачном замке прекрасную принцессу!

Терру мгновенно преобразился. Посох он перехватил побоевому, а на лице расцвела сияющая улыбка.

— Принцесса?! — воскликнул он. — Вот это удача! Значит, так, Вэйн, план такой: мы идём в замок и спасаем принцессу.

— Какую принцессу?! — я схватил его за плечо, не давая рвануться вперёд. — Терру, очнись! Мы шли к твоему мудрецу. Ты сам говорил, что он растолкует нам про Рыцаря Тьмы и блестяшку!

— К мудрецу мы всегда успеем заскочить, — легкомысленно отмахнулся Терру. — Я, если честно, в основном к нему зашёл, чтобы просто поговорить да оттянуть встречу с этим Рыцарем. А тут — живая принцесса! И, судя по моему чутью, здесь, в замке, обитает как раз наш новый товарищ. Два зайца одним выстрелом!

Я вскипел. Вся накопленная за последние дни усталость, страх и злость на этот дурацкий мир выплеснулись наружу.

— Да ты просто безответственный! — рявкнул я. — Мы застряли под проклятым куполом, нас ищет псих в шипастой

броне, у нас нет ни плана, ни оружия, а ты хочешь штурмовать чёртов монолит из-за какой-то принцессы из сказочек?!

Терру посмотрел на меня, слегка склонив голову набок. Улыбка его не померкла, но он ничего не ответил.

Моё негодование резко сдулось. Я замолчал на полуслове, осознав, что кричу на человека, который спас меня, вытащил из петли и единственного пока что не хочет меня убить. А потом я вспомнил, как сам несколько дней назад попёрся за сказочным артефактом с маниакальным Шанксом просто от скуки и отсутствия смысла в жизни. Я, который висел вниз головой и рыдал в темноте, был не в том положении, чтобы читать лекции об ответственности.

Скелет-джокер, наблюдавший за нами, вдруг согнулся пополам от беззвучного смеха. Его кости аж затряслись, бубенцы на колпаке заходили ходуном.

— О, дивный спор! О, трепетная ссора! — заголосил он, вытирая несуществующие слёзы. — Но знайте, смертные: в замок вам так просто не пройти! Ха-ха-ха!

С этими словами он взмахнул скипетром, подпрыгнул и, к моему изумлению, просто улетел в воздух, как лопнувший воздушный шар, скрывшись за горизонтом.

А перед нами, там, где секунду назад была голая земля, с влажным чавканьем поднялись стены. Высокие, до небес, густые кустарники, образующие длинный, уходящий вглубь коридор — лабиринт. У входа в аллею покосившаяся деревянная табличка гласила: «Решите все загадки, иначе оста-

нешься тут навсегда».

Мы переглянулись и шагнули внутрь.

Первый же куст, поросший синими цветами, голосом того самого джокера проорал нам: «Что тяжелее: килограмм перьев или два грамма безумия?».

— Два грамма безумия, ведь это сталь вес, которого измеряется от 0 до бесконечности — не задумываясь, ответил Терру. Куст удовольствовался ответом, и стена перед нами разъехалась, открывая следующий коридор.

Дальше было только хуже. Загадки сыпались на нас из каждого угла: от банальных шарад про то, что «зелёное, длинное и пищит, если на него наступить» (Терру с ходу выдал: «Огурец, попавший под каблук», хотя правильным ответом, судя по недовольному хмыканью куста, был «обжора»), до абсолютно абсурдных логических парадоксов, где нужно было выбрать, какого цвета носки у пьяного гнома по вторникам.

Я не понимал ни единого ответа. Моё высшее образование, полученное в престижном университете СКР, не включало в себя курс по расшифровке бредовых вопросов говорящих кустов. Терру же щёлкал их как орешки, руководствуясь какой-то одной ему понятной, извилистой логикой, и я лишь обречённо брёл следом, приговаривая: «И зачем я вообще платил за свой диплом...»

Но вот кустарники расступились. Мы вышли на круглую площадку перед массивными, чёрными воротами замка. Вы-

ход из лабиринта был прямо перед нами. Магия, очевидно, сработала: все загадки решены, путь открыт.

Но стоило нам сделать шаг к выходу, как земля перед нами вспучилась.

Из неё, с лязгом и скрежетом, вылез самый уродливый скелет, которого я видел за весь день. На его груди алела крупная цифра «8», но масть была не простой — червовая. Этот символ был выведен криво, будто нарисован дрожащей рукой убийцы, и от него веяло чем-то откровенно гнилым. В костлявых руках скелет сжимал огромную, ржавую секиру, лезвие которой, казалось, впитало в себя ржавчину сотен забытых битв, после которых в его пустых глазниц виднелась только смерть.

Он не стал разговаривать. Просто шагнул вперёд и замахнулся.

Я еле успел отскочить. Секира врезалась в землю, разлетаясь каменными осколками, а Терру уже был в движении. Он с силой вбил свой посох в землю.

Посох мигнул синим, и прямо из каменистой почвы, с хрустом и гулом, полезли вверх каменные столбы — точные копии его собственного оружия, только составленные из монолитного камня. Терру запрыгнул на один, оттолкнулся, перелетел на другой, дразня скелета, заставляя его крутить секирой в воздухе.

Скелет был силен. Один раз он достал-таки концом секиры до столба, на котором только что стоял Терру, и каменная

колонна разлетелась в пыль. В другой раз, когда я попытался зайти сбоку, скелер с неестественной для костлявого тела скоростью развернулся и нанёс рубящий удар прямо мне в голову. Я зажмурился, но вместо боли услышал только оглушительный лязг. Между мной и секирой вырос ещё один каменный столб, подставленный Терру. Секира застряла в нём, оставив глубокую борозду.

— Броня у него крепкая! — крикнул Терру, спрыгивая вниз и нанося удар по рёбрам противника. — Мой посох её не пробивает, а дробящие удары ему по барабану! Под бронёй кости, им всё равно, что их лупят!

Я откатился в сторону, тяжело дыша. Ситуация была патовая. Наше оружие не могло навредить этой червовой восьмёрке. Скелет выдернул секиру из камня и снова повернулся ко мне, занося оружие для смертельного удара.

И тогда я увидел это.

На секунду мир вокруг подёрнулся знакомой рябью. Прямо на нагруднике скелета, там, где пересекались костяные рёбра под червовой восьмёркой, замерцала едва заметная точка. Слабое место. Трещина в совершенной броне.

Не думая, я бросился вперёд, подныривая под замах секиры. Затем вложил всю свою ярость и отчаяние в прямой удар кулаком прямо в эту светящуюся точку.

Хруст был негромким. Броня на груди скелета слегка треснула, но по сути ничего критичного не произошло. Это был всего лишь крошечный скол. Скелет даже не покачнул-

ся.

Он медленно опустил взгляд на меня, на свою треснувшую броню, а затем его пустые глазницы снова уставились на меня, и костлявые руки напряглись, готовясь развалить меня пополам.

Но в эту долю секунды что-то изменилось.

— Отличная работа! — раздался крик Терру.

Из-за спины скелета, словно выпущенная из пращи, в воздух взмыла фигура в бело-сине-чёрном костюме. Терру, используя один из своих каменных столбов как трамплин, обрушил весь свой вес на квадратный конец посоха, направляя его прямо в ту самую, только что выявленную мной трещину.

Удар был ошеломительным. И по силе и по точности. Посох вошёл в брешь как ключ в замок, и с громким, раскатыстым хрустом червовая восьмёрка буквально разлетелась на куски. Кости, обломки брони и ржавая секира посыпались на землю бесформенной грудой.

Тишина, наступившая после боя, оглушила.

Я стоял, тяжело дыша, и смотрел на свои костяшки, содранные о броню. Терру приземлился рядом, опираясь на посох, и легонько постучал им по земле, убирая лишние каменные столбы обратно под землю.

— Ни за что бы не догадался туда бить, всей силой в одну маленькую точку — сказал он, переводя дух, и посмотрел на меня с нескрываемым восхищением. — Ты как это увидел, а? Я-то думал, у него сплошная защита, а ты его так точно

поддел! Прямо как иголку в игольное ушко! Но доспехи у него конечно старые удивительно вообще, что у него было лишь одно такое место.

Я посмотрел на него, потом на останки скелета, и вдруг ощутил, как внутри, сквозь привычную апатию, пробивается что-то тёплое. Я был полезен. Не как пушечное мясо, не как статист, а как тот, кто видит то, чего не видят другие.

— Просто... опытный глаз, — пробормотал я, отряхивая рукав. — Идеальных защит не бывает.

Терру хлопнул меня по плечу — на этот раз мягче, чем обычно, словно признавая во мне равного.

— Ну, дружище, — сказал он, поднимая взгляд. — Кажется, теперь мы с тобой полноценные соратники.

Я проследил за его взглядом. Чёрные, монолитные врата замка возвышались прямо перед нами, холодные и безмолвные. Они были уже в двух шагах.

Впереди нас ждал замок.

Глава 5. Мёртвый вальс.

Врата поддались с тяжёлым, протяжным стоном, и мы шагнули внутрь.

Первое, что нас ждало — просторный бальный зал. Высокие сводчатые потолки, почерневшие канделябры, в которых всё ещё тлели призрачные синие свечи, и выщербленный мраморный пол, а в центре огромная люстра. Однако насладиться архитектурой нам не дали. Едва наши шаги эхом разнеслись по залу, из теней по боковым стенам метнулись несколько фигур.

Это были бубновые пятёрки. В отличие от неповоротливых двоек, эти скелеты двигались с пугающей, почти акробатической скоростью, вращая в костлявых пальцах кривые сабли. Они бросились на нас со всех сторон, рассекая воздух свистящими дугами.

Я едва успел уклониться от первого выпада, сальто перекатившись за каменную колонну. Сабля высекла искры прямо там, где секунду назад было моё плечо. Терру вращал свой квадратный посох, как пропеллер, отбивая удары, но пятёрки были слишком быстрыми. Пару раз им всё же удалось зацепить нас — на моём рукаве появилась прореха, а на плече Терру — неглубокий порез. Зато в прочности они сильно уступали своим старшим товарищам. Одного точного удара посохом по черепу хватало, чтобы пятёрка рассы-

палась в костяную кучу.

Но их было слишком много.

— Вэйн, на люстру! — рывкнул Терру, и не дожидаясь моего согласия, схватил меня за шиворот и швырнул вверх, на гигантскую хрустальную люстру, висящую под потолком. Я чудом зацепился за позолоченные кольца, перевалившись через край. Терру запрыгнул следом.

И скелеты, движимые какой-то извращённой программой преследования, полезли за нами. Все разом. Их костлявые лапы цеплялись за цепи, за канделябры, за руки друг друга. Люстра угрожающе скрипнула под весом дюжины костяных акробатов.

Терру даже не стал бить их по одному. Он просто поднял посох и с размаху опустил его на несущую цепь. Металл, изъеденный временем, не выдержал.

Раздался треск рвущейся стали. Терру спрыгнул вниз, увлекая меня за собой, а люстра вместе с визжащими скелетами полетела на каменный пол. Грохот, звон хрусталя и хруст костей слились в один оглушительный аккорд. Когда пыль осела, на полу лежала лишь груда осколков и битых рёбер.

— Смертельный вальс окончен, — спокойно подытожил Терру, отряхивая ги.

Дальше бальный зал сменился узкими, крошечно тёмными коридорами. Здесь пахло сыростью и древней пылью. И, разумеется, тут были ловушки.

Стены пытались нас раздавить, из пола выстреливали шипы, а с потолка сыпались ядовитые дротики. Терру шёл первым, используя свой прочный посох как рычаг и щит — он вставлял его между сближающимися стенами, сбивал им дротики в полёте и спускал курки нажимных плит. Я же двигался за ним, полагаясь на ловкость и одно негласное правило: если пролезет голова, пролезет и всё остальное. Проскальзывал в щели, умело, между опускающимися решётками и уворачивался от лезвий там, где Терру приходилось пробиваться с боем.

Наконец коридор расширился, и мы вышли в тронный зал.

Он был огромен и пуст. В самом центре, на массивном костяном троне, восседал Карточный Король. Он был одет в роскошный, истлевший плащ, на голове покоилась корона, сплетённая из погнутых карт, а на груди алел герб всех мастей.

Не успели мы сделать и шагу, как из ниоткуда — буквально из воздуха — вынырнул тот самый скелет-джокер в дурацком колпаке.

— Ваше Величество! — возопил он, размахивая игрушечной булавой. — Это они! Те самые наглецы, что пришли за принцессой!

Король выпрямился, и в его пустых глазницах вспыхнул красноватый огонёк. Он даже привстал, будто к нему пришли долгожданные гости.

Я тут же поднял руки, включая режим дипломатии.

— Стоять! — крикнул я. — Мы вообще не за этим! Мы не за принцессой, мы случайно тут оказались! Заблудились в лабиринте, вышли не в ту дверь... Вы же понимаете, сплошные недоразумения. Мы прямо сейчас уйдём, обещаю, никто ваших принцесс трогать не будет.

Король замер. Красный огонёк в глазницах мигнул и погас. Он тяжело опустился обратно на трон, и от его черепа повеяло такой искренней, гнетущей грустью, что мне стало не по себе.

— Случайно... — прогудел он низким, бархатным голосом. — Все случайно. Никто не приходит ко мне специально. Я специально похитил эту девушку... чтобы хоть кто-то пришёл. Чтобы хоть кто-то устроил со мной бой.

Он поднял костлявую руку, указывая на нас.

— Но вы просто хотите уйти. Как и все.

Внутри у меня ёкнуло. Моё предложение о мирном урегулировании конфликта рассыпалось на глазах. Я уже открыл рот, чтобы предложить ему партию в шахматы или пообещать прислать гостей завтра, как вдруг тяжёлая ладонь легла мне на плечо.

Я обернулся. Терру смотрел на меня сверху вниз, и в его обычно простоватом взгляде не было и тени улыбки.

— Вэйн, — сказал он тихо. — Хватит юлить. Надо поступить по-мужски. Неупокоенный ждал боя. Откажи ему, и ты сломаешь ему всё, что у него осталось.

Я сглотнул, посмотрел на поникшего костяного короля, потом на Терру. Вспомнил, как сам висел вниз головой и рыдал от бессилия. У каждого свои демоны. У этого — своя.

— Ладно, — выдохнул я, поправляя маску. — Ваше Величество. Мы принимаем ваш вызов.

Король вскинул голову. Огоньки в глазницах вспыхнули с новой силой. Начался бой.

Король был медлительным, но его магия карт делала его неуязвимым для прямых атак. Вытащив из-под плаща карту, он кричал: «Валет треф!», и из его правой руки, словно гриб, вырастал торс скелета, сжимающий алебарду. «Король трефы!» — и из левой руки вылезал ещё один скелет, на этот раз с мечом.

Король стоял в центре, размахивая руками, а его «придатки» орудовали оружием с мёртвой, безупречной точностью. Подступить к нему было невозможно — алебарда секла широкие дуги, а меч перекрывал все подходы снизу.

Я откатывался от ударов, наблюдая. И снова мир подёрнулся рябью. Я увидел это — слабые места. Тонкие, светящиеся линии в сочленениях, там, где костяные отростки валета и короля треф врастали в руки самого Карточного Короля. Это была одна система, и бить нужно было по стыкам.

— Терру! — крикнул я, перекаtywаясь под взмахом алебарды. — Я беру огонь на себя! Бей по суставам! Там, где руки соединяют его с картами! Сначала валет!

Терру не стал переспрашивать. Он кивнул и занял пози-

цию.

Я рванул вперёд. Это было чистое самоубийство — я плясал на грани клинка, дразня алебардиста, позволяя лезвию рассекать воздух в миллиметрах от моего носа. Я не боец, но я умел уворачиваться, и сейчас я отвлекал на себя весь урон. Скелет-валет размахнулся для мощного вертикального удара, на секунду открыв сочленение.

Терру появился из ниоткуда. Квадратный конец посоха обрушился на стык с оглушительным хрустом. Валет треф разлетелся в щепки.

— Первый пошёл! — крикнул я, но Король трефы уже замахивался мечом. Я снова полез в пекло, заставляя скелета делать широкие замахи. Ещё одна брешь — и ещё один точный удар Терру.

Два карточных наёмника исчезли. Мы с Терру, уже без лишних слов, набросились на самого Короля, начав методично дубасить его посохами и кулаками. Но тот не растерялся. С безумным хохотом он выхватил из колоды две карты.

— Туз пик! Червивый туз!

Из его рук вырвались два новых скелета. Один держал в руках тикающую чёрную бомбу с горящим фитилем, второй наводил на нас миниатюрную баллисту.

— Ложись! — заорал я, но Терру действовал быстрее. Он подбежал ко мне, обхватил одной рукой, а посох воткнул в землю. Каменный столб выстрелил из пола, подбрасывая нас вверх, к потолку.

Секунда в воздухе. Снизу — оглушительный взрыв. Осколки и костяные обломки разлетаются по всему залу.

Не отпуская меня, Терру извернулся в воздухе. Мы летели вниз, и Терру направил свой посох остриём вниз, целясь прямо в череп Карточного Короля.

Баллиста выстрелила. Болт просвистел мимо моего уха, едва не задев маску, но Терру в полёте отклонил корпус, и снаряд ушёл в стену.

А затем мы врезались в Короля.

Удар посоха, усиленный весом двух тел и гравитацией, проломил костяную корону и расколол череп надвое. Карточный Король рухнул на колени, а затем осыпался бесформенной грудой.

Тишина.

В этой гробовой тишине, прямо перед тем, как рассыпаться в прах, череп Короля чуть заметно дёрнулся. Он улыбался. И по всему замку — от подвалов до башен — прокатился слабый, гулкий звук смеха. Не зловещий. Облегчённый.

Скелет-джокер появился рядом, тихонько хлопая в ладоши. Без своих дурашеств. Он молча протянул нам большой медный ключ, низко поклонился и махнул рукой, указывая на винтовую лестницу в углу зала.

Мы поднялись по скрипучим ступеням в башню. Замок был пуст и мёртв, как и подобает склепу, в котором наконец-то упокоились его хозяин.

В конце лестницы была тяжёлая дверь. Я вставил ключ,

повернул. Дверь со скрипом отворилась.

В центре крошечной камеры стояла железная клетка. Внутри, на ворохе старых тряпок, лежала лисица. Красно-белая расцветка её меха была испачкана грязью, а на голове красовался помятый, но всё ещё узнаваемый военный берет. Она спала, но при звуке открывшейся двери подняла голову, и на нас уставились холодные, суровые глаза.

Я замер, переводя дух.

— Терру, — тихо произнёс я. — Ты говорил про нового товарища. Это что, она?

Лисица прострелила нас своим взглядом с лёгким нескрываемым презрением.

Начиналось нечто совершенно новое.

Глава 6. Слово и прах.

Напряжение, висевшее в воздухе последние полчаса, схлынуло, как гора с плеч. Только стало ясно, что Карточный Король рассыпался прахом, а джокер указал нам путь, Терру мгновенно вернулся в своё привычное, неунывающее состояние.

Он прошёлся по комнате, размахивая посохом так, будто дирижировал невидимым оркестром, и с упоением описывал наши недавние подвиги:

— А потом, представляешь, он как рванёт картами! Туз пик! А я — бабах! — каменный столб прямо из пола! — Терру подпрыгнул, изображая маневр уклонения. — И мы с Вэйном — вниз! Прямо ему на голову!

Я кивал, делал вид, что слушаю, но на самом деле мой взгляд то и дело возвращался к клетке.

Лисица сидела на ворохе тряпок, и в тусклом свете башни её красно-белая шерсть казалась почти нереальной, а её дикие, светящиеся в темноте зелёным цветом глаза казались сном. Я смотрел на неё, и внутри меня происходило что-то странное. Там, где раньше жил привычный комок апатии и усталости, вдруг стало щекотно. Я явственно ощущал какое-то нелепое, глупое порхание бабочек в животе. Чувства, которых я ни разу в жизни не испытывал — ни в СКР, ни здесь, на Маги-Терре. Может, это был побочный эффект

стресса, а может, просто её холодный, суровый взгляд действовал на меня как-то особенно.

— ...А как ты научился так сражаться? — вдруг прорвалось сквозь мои мысли.

Я моргнул, возвращаясь в реальность. Терру стоял передо мной, оперившись на посох, и с искренним любопытством ждал ответа.

Я немного растерялся, пытаюсь собрать мысли воедино.

— Я... не знаю, — честно ответил я. И тут же вспомнил. — В Инчипе. Мой мастер... и Тяпа, кузнец. Тяпа как-то сказал мне: «Сила не в руках. Сила в том, чтобы бить туда, куда нужно, а не куда получится». Я просто... вижу, куда нужно.

Лисица в клетке вдруг фыркнула. Громко, презрительно.

— И долго вы ещё собираетесь тут стоять и обсуждать свои подвиги? — её голос оказался звонким, с чётким командирским оттенком. — Почему вы меня тут держите?

Терру даже не смутился.

— Мы наоборот! — радостно сообщил он. — Мы твоего пленителя одолели, Карточного Короля в порошок стёрли и вот-вот собирались тебя вызволить! Прямо сейчас!

Он подошёл к клетке и с громким лязгом сдвинул засов. Дверца распахнулась.

Лисица поднялась на лапы, потянулась и вышла наружу. Только сейчас, встав в полный рост, она оказалась вовсе не маленькой. На ней была потёртая зелёная форма, на голове сидел военный берет с кокардой, лапы облегали чёрные ко-

жанные сапоги и перчатки, а на плечах красовались жёсткие погоны. Она выглядела как кадровый офицер, волею судеб оказавшееся в роли сказочной принцессы.

— Кто вы и откуда? — спросил Терру, не теряя энтузиазма.

— Елена, из Бомбославии — коротко представилась лишица и, не говоря больше ни слова, развернулась к выходу, явно собираясь уйти.

— Эй, стой! — Терру преградил ей дорогу посохом. — Куда ты собралась?

Она огрызнулась, оскалившись:

— Искать свой отряд. Это вас касается?

Я не выдержал и хмыкнул:

— Мастер Терру, вы слишком прямолинейны и упрямы, знаете ли. — Затем я повернулся к Елене, стараясь, чтобы голос звучал как можно дружелюбнее. — Послушай, мы ради тебя грозного Карточного Короля победили, через лабиринт прошли, рисковали своими жизнями, ради тебя одной. На нас ведь можно положиться? Куда ты одна попрёшь?

Елена остановилась. Посмотрела на меня тяжёлым, оценивающим взглядом, а потом заговорила сухо и по-деловому:

— Я командовала целым отрядом. Мы выдвинулись по приказу "Под купол" и добрались до Техно-Башни, но всех нас разом настиг появившийся из ниоткуда Психо-Титан. Одним мощным ударом он телепортировал всех нас по слу-

чайным местам. Я очнулась в этой клетке. И я.... отправляюсь на поиски своих солдат.

Терру почесал затылок под каской.

— Знаешь, в таверне я слышал, как одного солдата из Бомбославии порешили бандиты... — он осёкся под её сверлящим взглядом, но быстро добавил: — Но остальных мы обязательно найдём! Не переживай!

Я счёл нужным вставить:

— Главное, что ты осталась жива.

Елена повернула голову ко мне так резко, что я вздрогнул. В её глазах полыхнул такой праведный гнев, что меня слегка потрясло. Я тут же начал думать, какую именно глупость я только что сморозил. «Главное, что ты жива» — для командира, потерявшего своих людей, это звучало как издёвка. Я отвёл взгляд, чувствуя себя полным идиотом.

— Мы пойдём к мудрецу, — решительно заявил Терру, разряжая обстановку.

— Нужно идти на поиски! — тут же отрезала Елена.

— Самому бегать в их поисках по всему подземелью — это всё равно что искать иголку в стоге сена, — парировал Терру. — А мудрец, к которому мы идём, возможно, что-то знает. Он тут давно живёт, всё видит.

Елена поджала губы, но возражать не стала.

Мы направились к выходу. У самой двери из комнаты заточения моё внимание привлекла белая карточка, лежавшая на каменном полу. Джокер. Я поднял её, повертел в пальцах

и, не говоря ни слова, сунул в карман худи. На удачу.

Из замка мы выбрались через нижний вход башни, оказавшись на улице. Терру внимательно прищурился, оглядывая голую, выжженную равнину, принялся к ветру и уверенно указал посохом направление.

— Туда. Идём.

Мы шли молча. Я незаметно поглядывал на Елену. Она шагала рядом, чеканя шаг за шагом, глядя строго вперёд. Она даже не спросила, кто мы такие и откуда взялись. Впрочем, подумал я, я и сам слабо знаю, кто такой Терру на самом деле. Монах, вызывающий каменные столбы и носит стальную касу набекрень?

— Терру, — тактично сказал я, — может, представишься Елене как следует?

Терру просиял и тут же начал рассказывать о том, как он странствует мир, чтобы познать его. Я дождался, когда он закончит очередную пространную фразу про природу бытия, и вставил:

— А я Вэйн. Из СКР. Тоже, в общем, путешествую.

Елена кивнула, отреагировав на это максимально слабо.

По пути я заметил ещё одну странность: на улице не появилось ни одного карточного скелета. Ни двоек, ни восьмёрок. Я промолчал, понимая причину — их короля больше не было, а значит, и армия перестала существовать. Было очевидно, что остальным это тоже понятно, или им просто всё равно.

Через пару часов пути впереди показались руины заброшенного храма. Полуразрушенные колонны, покрытые мхом камни.

Елена вопросительно посмотрела на Терру.

— Мы дошли, — кивнул тот.

Мы вошли внутрь, и нас сразу обдало невероятным, пробирающим до костей холодом. Не просто сыростью подземелья, а именно морозом.

— А чего здесь так холодно? — поёживаясь, спросил я.
— Никаких морозилок не видно.

— Мудрец — не простой скелет, — невозмутимо ответил Терру. — Он лич. Они холодом веют, не знал?

В центре главного зала стоял массивный каменный саркофаг. Как только мы к нему приблизились, крышка с глухим скрежетом сдвинулась в сторону. Внутри лежала фигура в истлевших траурных одеждах, с черепом, увенчанным серебряной диадемой.

Лич медленно поднялся, опираясь костлявыми пальцами на края саркофага. Из пустых глазниц полился тусклый голубоватый свет. Одет он был в старомодный костюм аристократа с кафтаном, камзолой, дополненной рубашкой с кружевами и пряжками

Терру резко повернулся к нам и приложил палец к губам, пригрозив кулаком: ни в коем случае не перебивать.

И начался монолог.

Голос у лича оказался тягучий и скрипучий. Он начал из-

далека: со своего младенчества, отрочества, первых шагов. Он рассказывал, как ходил в школу, как был стабильным и верным учеником, не пропускал ни одного занятия. Как нашёл суженую, как они гуляли по лунным аллеям. Это был не монолог мудреца. Это был пересказ личного дневника, который кто-то очень подробно и очень нудно зачитывал вслух.

Через десять минут я уже начал крупно жалеть о своём визите к этому «мудрецу». Я переминался с ноги на ногу, маска совершенно не спасала от пробирающего холода. Я покопился на Елену: лисица лежала на полу, закрыв лапами уши, её глаз дёргался. Она была на грани того, чтобы начать выть или стрелять магическими патронами в саркофаг. И только Терру стоял, опершись на посох в позе идеального слушателя, изредка понимающе кивая.

Ближе к концу монолога, поняв, что ещё немного — и мы все замёрзнем насмерть от скуки, я решил осмысленно послушать слова лича. И внезапно всё встало на свои места.

Лич говорил о своём брате, Герцоге Люмии, который в далёком прошлом был проклят Лунным королём. Тот поместил всё его королевство под землю, превратив жителей в живых мертвецов, а Герцога — в безумного Карточного Короля.

— ...И потому я благодарю вас, странники, — завершил лич, и его череп словно улыбнулся. — Упокоив моего брата, вы освободили его от проклятия.

Повисла тишина.

Затем началась череда вопросов.

Елена, до этого лежавшая на полу в позе измученной статуи, внезапно вскочила на ноги и заорала, эхо разнеслось по залу:

— Где мои соратники?!

Лич медленно повернул к ней голову.

— Успокойся. Представься.

Она коротко бросила своё имя и звание. Лич задумчиво покачал черепом.

— За Бомбославией стелется дурная репутация... — протянул он, но тут же поднял костлявую лапу, останавливая её возмущение. — Однако я скажу тебе вот что: кто-то из твоих соратников точно попал в Безумный фиолетовый город. Тот самый, что находится под куполом и которым руководит злейший Маджишоу.

Терру, до этого молчавший, подал голос:

— А что вы можете рассказать о Рыцаре Тьмы?

Лич вздохнул, и из его рта вырвалось облачко морозного пара.

— Это мастер Тёмных искусств. Он использует очень хитрую и подлую магию. Его ещё называют скорбящим демоном. Видишь ли, его демоническая маска с клыками имеет выражение лица, означающее грусть, печаль и скорбь. Он прибыл из Тёмных Земель — мест, где дети ещё с малых лет сталкиваются с чрезвычайной жестокостью и насилием. Ходят слухи, что он там потерял что-то важное и пришёл сюда,

чтобы это вернуть либо как-то восполнить. — Лич сделал паузу. — И я пророчу вам: в нужный момент рыцарь сам вас найдёт. Искать его — бессмысленно.

Терру опустил голову вниз, будто задумавшись над чем-то тяжёлым.

Наконец, дошла очередь до меня.

-А вы молодой человек? Представьтесь для начала.

-Меня зовут Вэйн, бывший гражданин СКР и как вы могли понять прибыл из Софт-Терры.

Я немного призадумался, вспоминая всё, что мы прошли, и кое-что всплыло в голове.

— А как нам победить могучих Психо-Титанов, окруживших Техно-Башню? — спросил я.

Лич посмотрел на меня.

— Есть такой человек, — прогудел он. — Черепоглав, родом с Фомоса. Обладает чрезвычайно сильной магией. Но находится он сейчас в Безумном городе, в заточении от рук Маджишоу. Чтобы освободить Черепоглава, вам нужно его победить. Только так.

Сказав это, лич медленно лёг обратно в саркофаг. Крышка с глухим стуком задвинулась, и холод в зале начал немного отступать.

Мы вышли из склепа на свежий, относительно тёплый воздух подземелья.

Елена тут же взяла командование на себя.

— Идём в Безумный город, — объявила она и решительно

зашагала куда-то в сторону.

— А ты знаешь путь до туда? — невозмутимо спросил Терру.

Елена замерла. Постояла секунду и, не говоря ни слова, так же решительно вернулась в строй, встав рядом с нами.

Я хмыкнул и повернулся к Терру:

— Как у тебя получалось так хорошо держаться при его монологе? Я думал, я умру там от старости.

Терру улыбнулся.

— Я монах, Вэйн. Знаю толк в медитациях. И скажу тебе по секрету, лич при каждом заходе к нему начинает этот монолог. Привычка.

Я опешил.

— Подожди... А кем был лич при жизни? Когда его брат, Карточный король, был жив? Ты же слушал, что он говорил?

Терру посмотрел на меня с абсолютно невинным выражением лица.

— Карточный король, при жизни? — переспросил он. — Я не слушал.

У меня отвисла челюсть. Я потерял дар речи. *Попытался ещё вспомнить, не упомянул ли лич чего-то про Техно-Башню или артефакт. Но в голове осталась только лунная аллея и его суженая.* Я просто закрыл рот, натянул маску пониже и начал молча идти вперёд, следуя за Еленой, которая уже уверенно (или делая вид, что уверенно) вела нас к Безумному городу.

Герои шли в путь.

Глава 7. Плачущие пепельные пустоши.

Всё стало спокойно. Дождь продолжал лить, но выстрелов больше не было.

Главарь рейдеров медленно вышел из укрытия, вертя в лапах свою цепную булаву с погасшей сферой. Он посмотрел на останки монстра, потом на Елену, которая приземлилась, отряхиваясь, как ни в чём не бывало, и медленно опустил оружие.

— Спасибо, — сказал он. Голос его был хриплым, но искренним. — Эта тварь терроризировала нас долгое время. Наше оружие просто утопало в его теле, мы никак не могли ему навредить.

Елена промолчала, лишь поправила берет.

— Знаешь, — продолжил гнолл, почесав лапой за ухом, — если бы Черепоглав не ушёл, он бы точно уничтожил этого монстра. Запросто.

Терру мгновенно оживился.

— Черепоглав? Ты его знаешь? Расскажика подробнее о нём!

Главарь вздохнул, убирая булаву за пояс.

— Черепоглав... Росту в нём — три метра точно, может, больше. Он носил чёрный развивающийся по ветру плащ,

на нём были чёрные мешковатые штаны, а на голове вместо шлема носил красный череп. Он невероятно сильный воин, одним ударом снося целые улицы и здания. Но воином был настоящим, с золотым сердцем. Он пришёл к нам однажды, спас от подземного дракона, который вылез из-под земли и начал жрать всё подряд. А потом остался и наставлял нас на путь истинный.

Он помолчал, и в его голосе мелькнула горькая ирония.

— Только вот у нас нет столько сил, как у него, чтобы жить по совести. Не всем дано. — Гнолл сплюнул в лужу. — А потом он ушёл. Сказал, что нужно остановить Шанкса, пока тот не добрался до Техно-Башни. Отправился на его поиски и исчез где-то на горизонте.

Елена всё это время стояла, скрестив руки на груди, с гордым, непроницаемым лицом. Гнолл покосился на неё, полез в карман куртки и извлёк оттуда небольшую металлическую медальку — с выгравированным грубым символом изображающее капюшон с катаной на затылке.

— Вот, — он протянул медаль Елене. — Это вам. Тут, дальше по пустоши, есть перевалочный городок. Поспокойнее нашего. Покажете эту медальку — дадут припасов. Без вопросов.

Елена молча взяла медаль, сунула её в нагрудный карман. Терру просиял.

— Наконец-то будет что поесть! — он потёр живот. — Я уже и забыл, каково это — нормальная еда, а не корешки и

сомнительные ягоды.

Я посмотрел на побитых рейдеров, которые стояли в отдалении, потирая ушибы и бросая на нас осторожные взгляды.

— Ну, — сказал я, пожимая плечами, — в общем, при драке с рейдерами мы просто не поняли друг друга. Бывает.

Главарь гнолл посмотрел на меня. Потом на Терру. Потом на Елену. Ухмыльнулся, развернулся и пошёл прочь, махнув лапой на прощание.

Герои отправились в путь до городка. Дождь постепенно стих, превратившись в мелкую, нудную морось. Пепельная земля хлюпала под ногами.

Через полчаса пути, когда молчание стало немного затягиваться, Терру повернулся к Елене.

— Елена, — спросил он с тем самым простодушным любопытством, от которого у неё обычно начинал дёргаться глаз. — А где именно находится Техно-Башня? Ты же говорила, что твой отряд до неё добрался. Ты помнишь дорогу до туда?

Елена молчала. Шагала, глядя строго вперёд, как будто не расслышала вопроса.

Терру повторил. В ответ тишина.

Я вздохнул.

— Елена, — мягко сказал я. — Мы идём туда же, куда и ты. Если мы её не найдём, то и твоих солдат не найдём. Ты же понимаешь.

Лисица шла ещё несколько шагов, потом остановилась.

Повернула голову, посмотрела на меня тяжёлым взглядом. Я уже приготовился получить очередную порцию ледяного презрения, но она вдруг сдулась.

— У нас в команде был картограф, — процедила она, будто каждое слово давалось ей с трудом. — Он всё высматривал, составлял карты, маршруты. А потом рассказывал нам, куда идти. Я просто командовала.

Я кивнул. Терру кивнул.

— То есть, — осторожно начал я, — точного направления ты не помнишь?

— Я помню достаточно, — отрезала Елена и снова зашагала вперёд, прибавив шагу. — Идите за мной. И не задавайте глупых вопросов.

Терру посмотрел на меня и пожал плечами. Я посмотрел на Терру и пожал плечами в ответ. В воздухе запахло неловой паузой.

Я размышлял в этот момент над произошедшим и в голове появился интересный вопрос, разжёгший во мне любопытство.

— Елена, — окликнул я, догоняя её. — Можно спросить?

Она не обернулась, но и не послала меня. Я принял это за разрешение.

— Как ты так подлетела? И взорвала его изнутри. У тебя в сапогах взрывчатка?

Елена бросила на меня взгляд через плечо, исполненный усталого снисхождения, но ответила.

Терру, шедший чуть впереди, тут же обернулся, и его глаза загорелись.

— О, я знаю! — воскликнул он, хлопнув себя ладонью по касе. — Это же способность Каннонессы Огнехвостой! Знаменитой правительницы Бомбославии! Из рук она могла метать взрывные снаряды — мощные, точные, разрушительные. И, по слухам, она была неуязвима к любым видам взрыва. Абсолютно. Могла стоять в эпицентре и даже бровью не повести. — Он повернулся к Елене, пиля её взглядом с нескрываемым интересом. — Предполагаю, у тебя такая же способность, только пускаешь ты её из ног?

Елена остановилась. Повернулась к нам. Её выражение лица явно означало — «вы оба идиоты, но так уж и быть, я снизойду».

— Нет, — тщеславно ответила она. — Из рук я тоже могу. Она подняла ладонь, и в ней, прямо из перчатки, материализовался небольшой, тускло-красный патрон. Короткий, размером с фалангу пальца. Вокруг него виднелся ореол жара, и воздух вокруг него дрожал.

— Просто вблизи снаряд можно метнуть быстрее и мощнее, — она растворила патрон, сжав кулак. — А ногой, когда нужен масштаб. Рукой лучше, когда нужна точность. Считайте что с ног я пускаю фугасный снаряд а с рук кумулятивные.

Я смотрел на её ладонь, на то, как из ничего возник кусочек чистой разрушительной силы, и не мог не спросить.

Можно ещё пускать совершенно не взрывные снаряды, но зачастую это бесполезно из-за скорости, даже револьвер скорострельнее будет.

— А как это ощущается?

Елена помолчала несколько секунд, пытаюсь видимо подобрать нужные слова.

— Это будто у меня в груди есть огромная сила, — сказала она наконец, медленно, — которая хочет всё время выйти наружу...

Я посмотрел на её грудь.

И голову сразу полезли мысли, от которых мне самому стыдно. Я отвёл взгляд, чувствуя, как под маской у меня горят щёки, и мысленно проклинал всё: маску, которая не скрывала ушей, худи, которое было слишком тонким, и тот факт, что я — двадцатидвухлетний кот девственник, который уже всю жизнь не разговаривал с женщиной дольше пяти минут.

Елена, к счастью, не заметила моего замешательства — или сделала вид, что не заметила. Она продолжила, глядя прямо перед собой:

— Я как бы чувствую мощь максимально возможного взрыва ещё до того, как метну снаряд. И чем, естественно, сильнее был снаряд, тем сильнее этот сосуд в груди уменьшается. — Она сжала и разжала перчатку. — Обычно чем я злее в момент создания снаряда — тем он сильнее.

Терру, который слушал с открытым ртом, вдруг рассмеялся — громко, от души, запрокинув голову.

— Ха-ха-ха! Ну надо же! Значит, у волшебников всё походу строится на сильных эмоциях! Злость — мощнее снаряд, радость — быстрее исцеление, грусть — тяжелее барьер...

Елена, с оконфуженным лицом, развернулась к нему.

— ДУБОЛОМ! — вскринула она, и из её кулака вылетел маленький, угрожающе шипящий патрон, который пролетел в сантиметре от касы Терру и взорвался о камень позади, оставив чёрную воронку. — Ещё одно слово — и я покажу тебе, насколько сильно я могу разозлиться!

Терру, невозмутимо поправив касу, съехавшую от взрывной волны, только ухмыльнулся.

— Значит, снаряды у тебя и правда от злости сильнее, — подытожил он. — Запомню, буду рассказывать последующим своим попутчикам.

Елена зашипела и прибавила шаг, уйдя вперёд. Я шёл следом, всё ещё чувствуя жар в щеках, и старался не смотреть ни на её спину, ни на что-либо вообще. Мы шли дальше и вот на горизонте наконец-то начали мелькать здания.

Городок оказался именно таким, каким и должен быть перевалочный пункт посреди пепельных пустошей — жалким, суетливым и пропитанным запахом дешёвого пороха. Несколько торговцев ютились под навесами из ржавого железа, выложив на досках товар, который в СКР не взяли бы даже на свалку: тусклые зелья, мотки подозрительной бечёвки, оружие с такими зазубринами, что страшнее было смотреть на него, чем получать удар. Местные — все как один

либо обедневшие наёмники, либо авантюристы, потерявшие последнюю надежду, — слонялись между лачугами, бросая на нас мимолётные, оценивающие взгляды. Где-то на окраине виднелись плантации, на которых росло нечто, что я не решился бы классифицировать даже под угрозой смерти.

Но город был неспокоен. Суматоха чувствовалась в воздухе — не та обычная нервозность торгового поселения на краю мира, а что-то острое, сиюминутное. Местные постепенно стягивались к центру, толпились у какого-то места, вытянув шеи, рассматривая некое зрелище. Перешёптывались, толкались.

Терру тут же оживился.

— О! — он указал посохом в сторону толпы. — Там наверняка показывают какое-то представление! Или праздник! Или, может, турнир! Пойдём, посмотрим!

И не дожидаясь нас, побежал вперёд, перепрыгивая через щебень с лёгкостью, которая никак не вязалась с его коренастой фигурой.

Я переглянулся с Еленой. Она пожала плечами, и мы пошли следом.

Терру добрался до толпы первым, протиснулся между двумя крупными наёмниками, встал на цыпочки, заглянул — и замер. Просто замер, как будто кто-то нажал кнопку паузы. Посох в его руке перестал раскачиваться. Каса чуть съехала набок, и он даже не поправил её. Несколько секунд он стоял абсолютно неподвижно, а потом медленно опустился с

цыпочек, и я увидел его профиль. На его лице не было ничего. Ни улыбки, ни привычного простодушного любопытства. Пустая, чистая тишина, как на пепелище после пожара.

Я тут же спохватился. Елена тоже.

Мы протиснулись к нему следом и увидели.

В центре площади стоял вооружённый отряд. Не банда рейдеров, не сброд — дисциплинированное, оснащённое боевое подразделение. И во главе его стоял он.

Иосиф.

На этот раз его можно было рассмотреть гораздо ближе, во всех душераздирающих деталях. Серебристый тяжёлый герметичный боевой доспех облекал его тело, как вторая кожа — каждый сегмент подогнан, каждый стык загерметизирован, ни единого зазора, ни единой слабой точки. Огромные наплечники, широкие, как дверные косяки, несли на себе золотую гравировку такой степени детализации, что даже с расстояния в несколько метров можно было различить сцены битв и строки какого-то текста — вероятно, того самого кодекса, который он так любил зачитывать. За спиной ниспадал красный плащ, тяжёлый, промасленный, пропитанный чем-то, что могло быть водой, а могло быть и не водой. На груди, вмонтированная прямо в нагрудник, сияла сфера, похожая на синий жемчуг, — она пульсировала мягким, ровным светом, будто второе сердце. Шлем был закрыт, наглухо, с чёрными, непроницаемыми линзами вместо глаз, а по бокам расходились крылья — не декоративные, а выкован-

ные из того же серебристого металла, острые и жёсткие.

Остальная группа была одета в подобные тяжёлые доспехи, но явно менее дорогие — без золота, без жемчуга, без крыльев. Один, в зелёном доспехе, держал штурмовую винтовку, приклад которой был обмотан тряпкой. Другой, в красном, сжимал в руках гранатомёт, уперев его в землю. У третьего был композитный лук со стрелами в виде маленьких ракет. А у четвёртого — меч, тяжёлый со странными навешенными прибабасами на рукоятке.

Но все они меркли перед двумя огромными фигурами, возвышавшимися за спиной Иосифа, как башни за крепостной стеной.

они начали пристально разглядывать толпу, их оптика фокусировалась на лицах, диоды мигали — сканировали.

Терру, не оборачиваясь, едва слышно произнёс:

Не дайте терминаторам разглядеть ваши лица.

Терминаторы.

Именно так — не люди в броне, а именно сама ходячая броня, в которой едва ли оставалось место для чего-то живого. Каждый из них был размером с небольшое здание, и их доспехи казались единым, монолитным куском металла без сочленений и зазоров, явно не предполагающее наличие сгибающегося скелета. Вместо головы у каждого череп с глазными аугментациями в виде оптики: тёмные линзы, красные диоды, провода, вросшие в виски. Первый был в броне синего цвета, искрился молниями — они пробежали по его че-

репу, по плечам, по рукам, тонкими, нервными зигзагами. В руках он держал тяжёлый электрический молот, головка которого гудела низким, вибрирующим звуком. Второй, серый, опирался на свой же миниган, стволы которого были такого размера, что я мог бы просунуть в них кулак. Их глазные аугментации вдруг начали стрелять по всем сканирующими всё вокруг лазерами.

Мы втянули головы. Я натянул маску пониже. Елена нагнула берет на глаза.

Но зрелище, ради которого собралась толпа, было посвящено не терминаторам.

Оно было посвящено тому, что происходило в самом центре.

Иосиф возвышался над каким-то несчастным, лежащим на земле. Солдат в зелёной форме — в такой же, в которой ходила Елена. Та же ткань, тот же покррой. Только без погон а вместо берета на его голове была фуражка, сбитая набок и с треснувшим козырьком. Молодой парень лет двадцати или ещё меньше. Низкий и худой с округлыми щеками и детской шёрсткой.

Иосиф держал ногу на его голове. Медленно. Не сразу — постепенно, сантиметр за сантиметром, прижимая, вдавливая. И всё это время он говорил.

Голос Иосифа был глухим, усиленным шлемом, и звучал, как запись лекции, которую проигрывают в пустом зале. Он зачитывал. Кодекс. Статьи. Мораль. Грешность. Противоза-

конность.

— ...статья четвёртая В.С.И., пункт двенадцатый: всякий, кто поднимает оружие против законной власти, поднимает его против самого миропорядка. Ты знаешь это, солдат. Ты знал это, когда надел эту форму. Ты знал это, когда пошёл против Империи. И ты знаешь, что заслуживаешь.

Солдат плакал. Не кричал, не сопротивлялся — просто плакал. Слезы и сопли текли по его щекам, смешиваясь с грязью и кровью из рассечённой губы.

— Пожалуйста... — хрипел он. — Пожалуйста, я не хотел... Я просто выполнял приказ... Пожалуйста, не надо... У меня мама...

Иосиф будто не слышал. Он продолжал говорить — ровно, размеренно, без единой интонации, без капли эмоции. Нога вдавливалась. Солдат скулил, потом начал визжать, потом визг перешёл в хрип.

- Всего лишь бельмо на глазах Великой Священной Империи, бомбославец жалкий, слышишь? Ты действовал решительно, верно!? Это была ненависть!? Презрение к нам!? Объяснись!!! ЭТО ЧТО ТАК СЛОЖНО!!!!???

А потом его голова сдавилась в кровавую лепёшку.

Звук был мокрый, короткий и абсолютно окончательный. Под телом расплзлась лужа крови — тёмная, густая, смешивающаяся с пепельной грязью.

У меня потемнело в глазах. Я зажал рот ладонью, но это не помогло — меня чуть не стошнило прямо на ноги стоящему

передо мной наёмнику. В ушах звенело. Я не мог оторвать взгляд от лужи, от фуражки, валяющейся рядом, от тела, которое ещё дёргалось в последних, бессмысленных конвульсиях.

Я повернулся к Елене.

На ней не было лица. Не в том смысле, что она побледнела — нет, цвет с её морды ушёл целиком, будто кто-то выкрутил насыщенность до нуля. Её глаза были огромными, неподвижными, и в них плескалось нечто такое, от чего мне стало страшнее, чем от трупа на земле. Страх. Отчаяние. Чистое, нефильТРованное, вырвавшееся наружу так, что она даже не пыталась его скрыть. Её губы дрожали. Перчатки, сжатые в кулаки, тряслись.

Иосиф тем временем о чём-то заговорил со своим отрядом. Коротко, по-деловому. Один из солдат — тот, в зелёном, с винтовкой — снял со спины странную квадратную установку с двумя чёрными сферами наверху. Поставил её на землю. Сферы загорелись — странным, гипнотическим, переливающимся белым с чёрным свечением, будто два глаза смотрели друг на друга из бесконечности. Воздух загустел, пошёл рябью, и затем — короткая вспышка.

Отряд исчез.

В воздухе, там, где они стояли, повисли небольшие молнии, тонкие, как паутинки. Они постояли секунду, дрожа, и быстро увяли, растворившись в сырости.

Тишина.

Потом толпа загудела. Громким шёпотом, перебивая друг друга:

— Вездесущие руки Империи... Достают всюду, даже в такой глуши...

— Нас настигли. Империя пришла, чтобы покарать...

— Нет, нет, их послали за легендарным артефактом. Но их безумие, видимо, важнее...

— Тише, ты! Нас услышат! У них глаза повсюду!!!

Елена не слыша ничего, побежала к трупу.

Я рванулся следом, но Терру положил мне руку на плечо. Не грубо, но крепко. Я повернулся к нему. Он смотрел на меня и медленно качал головой.

— Не сейчас, — тихо сказал он.

Я посмотрел на него. Потом на Елену.

Она стояла на коленях перед телом, смотря на него своим пустым взглядом. Мёртвый, остекленевший, как у того солдата секунду назад. Она смотрела на фуражку, на кровь, на раздавленный череп под ногой, которой больше не было. Не двигалась. Не моргала.

А потом она начала плакать.

От былого достоинства и холода не осталось ни следа. Она плакала навзрыд, уткнувшись ладонями в землю, содрогаясь всем телом. Её плечи тряслись, хвост обвился вокруг её ног, берет свалился в грязь.

А потом плач перешёл в крик.

— УРОД! — заорала она, подняв к небу окровавленные

ладони. — КЛЯНУСЬ! Я НАЙДУ ТЕБЯ! Я НАЙДУ ТЕБЯ И...

Она захлёбывалась словами, задыхалась.

— Он был ребёнком... — шептала она, склоняясь к телу.
— Ребёнком... У него всё ещё было впереди... Всё... Он даже не успел...

А потом снова — крик, хриплый, надорванный:

— ТЫ ИМПЕРСКИЙ УБЛЮДОК! ТЫ — ЧУДОВИЩЕ!
УБИВАТЬ БЕСПОМОЩНОГО, ДАВИТЬ ЕГО КАК НАСЕКОМОЕ!
ТЫ НЕ ГЕРОЙ! ТЫ — МАНЬЯК В БРОНЕ! ТЫ — ПОЗОРИЩЕ!
ПРОКЛИНАЮ ТЕБЯ! ПРОКЛИНАЮ!

Её истерика набирала обороты, как волна, не в силах ни остановиться, ни утихнуть. Она проклинала Иосифа, потом снова жалела молодого солдата, потом снова проклинала. Слезы лились во все стороны. Слова сливались в сплошной поток боли, и я понял, что если её не остановить, она просто сломается.

Я одёрнул его руку у с плеча и побежал.

Подошёл к ней, снял маску, опустился на колени рядом с ней и обнял её за талию, притянув к себе, и замурлыкал.

Протяжёнo, глубоко, словно котёнок — ровная, вибрирующая, идущая из самой груди трель в сердце, которая пыталась донести лишь одну мысль другому сердцу. "Не переживай я здесь и готов прожить эту боль вместе с тобой, готов быть с тобой и в голоде и холоде и отчаянии".

Елена медленно, но верно прекращала свой плач. Её за-

липшие от слёз веки начали потихоньку раскрываться, кулаки разжались, а дыхание выровнялось. Подняла голову вверх и смотрела куда то вдаль.

Терру подошёл и начал говорить строго и поучительно, без грамма своего простодушия.

— Здесь, под куполом, подобное творится чуть ли не каждый час. Все постоянно умирают, страшно и мучительно, зачастую медленно и в агонии. Кого-то режут пополам, кого-то пытаются и вешают, а кого-то давят втоптывая в землю. Вместе с печалью и тоннами опрокинутых слёз, купол пожирает всё и ничего не оставляет, абсолютно без остатка.....

— Нам только и остаётся, ценить лишь те моменты, когда мы всё ещё вместе. Ценить то, что мы не одиноки, то что мы всё ещё не звери под шкурами наших лиц. Каждый день нам лишь и остаётся находить у себя, где-то в глубине частички невероятной силы и отваги, чтобы преодолеть все предстоящие перед нами ужасы на дороге судьбы.

Повисла немая сцена, я чувствовал как сердце Елены начинает постепенно биться всё медленнее и спокойнее.

Впервые за всё наше путешествие Терру действительно оправдал своё звание монаха, подобрав самые нужные слова, в самый напряжённый момент.

Где-то вдалеке, за разрушенными домами, хохотнул один из местных, не слышавший, что произошло. Жизнь в городке шла дальше, как и шла раньше.

А мы стояли на коленях перед телом молодого солдата, и

я держал Елену за талию, и Терру стоял рядом, и никому из нас не нужно было говорить ничего больше.

Глава 8. Точка в которой чувства пустеют.

Комната, которую нам удалось снять за медаль гнолла, оказалась тесной, сырой и пахла так, будто до нас в ней сушили солёные сапоги. Но у неё были стены, крыша и — самое главное — дверь, которая закрывалась изнутри. Под куполом это уже считалось роскошью.

Терру уснул мгновенно, едва его голова коснулась тюфяка, а затем каса съехала на нос, посох был прислонён к стене, а через минуту по комнате разнёсся мерный, довольный храп. Елена легла спиной к нам, натянув одеяло до самых ушей. Она не шевелилась, но я знал, что она не спит, лишь лежит, уставившись в стену. Я и сам тогда не спал.

Сидел на полу, прислонившись спиной к холодной стене, без своей маски. Маска лежала рядом на полу, мокрая от дождя, с разводами грязи и смотря на неё думал о своём.

Тот парень вчера... Я вполне мог быть на его месте, если бы моя судьба сложилась чуть менее удачно. Он был по сути таким же, как и я, но уже без будущего, без памяти, без отчизны.... Это понимание дошло до меня лишь сейчас.

Я закрыл глаза, но каждый раз, как только я это делал, передо мной всплывала лужа крови, смешанная с пепельной грязью, и пустые, мёртвые глаза молодого солдата, у которо-

го всё ещё было впереди под взглядом толпы.

Сон ни в какую не шёл, до самого утра.

Утро в городке наступило без солнца — небо за окном просто из чёрного стало грязно-серым. Терру проснулся с той же мгновенностью, с которой и уснул, вскочил, потянулся, хлопнул себя по щекам и объявил, что пора запасаться. Медаль гнолла всё ещё имела какую-то весомость в этом поселении, и Терру, не теряя времени, отправился её реализовать.

Я сидел в местной таверне, состоящая из трёх досок на козлах и очага, который дымил так, что видеть собеседника можно было только на ощупь. Елена стояла у входа, скрестив руки, отказываясь садиться. Её шерсть стояло дыбом сильнее обычного, под глазами залегли тени, но держалась она прямо, как будто и не ложилась вовсе.

Терру вернулся, гружёный мешком, из которого торчали связки брикетов с мясом, фляги с водой, стеклянные бутылки с мутным медицинским раствором, бинты и свёрток с какими-то твёрдыми, как камень, лепёшками. Он свалил всё на стол с видом победителя.

— Провизия на три дня! — объявил он. — Если, конечно, не считать лепёшки, которые, по своему виду переживут всю нашу группу.

Я кивнул, но слушал вполуха. За соседним столом двое наёмников — потрёпанный волк с одним глазом и какой-то мелкий грызун в латных обносках — говорили вполголоса,

и до меня долетали обрывки их разговора.

— ...говорю тебе, имперцы приходили не тем несчастным. Тот просто подвернулся под руку.

— А за кем тогда?

— За пастухом. Старым Ферром, что живёт на отшибе. Говорят, он единственный, кто видел, как изменился этот купол.

— Да брось. Империя гоняет терминаторов за каким-то козопасом?

— Иосиф не просто так приехал. Он искал свидетеля.

Я повернулся к Елене и Терру.

— Вы слышали?

Терру прислушался, склонив голову набок. Елена лишь сузила глаза.

— Свидетель, — повторил я. — Единственный человек, который видел, как всё здесь началось.

Елена помолчала.

— Иосиф его не нашёл?

— Видимо, нет, — сказал я. — Иначе бы не ушли так быстро. Но они вернутся. Или уже ищут.

Терру почесал затылок.

— Значит, надо успеть раньше. Пойдём, поговорим с пастухом. Пока Иосиф со своими терминаторами не надумал вернуться.

Елена посмотрела на него проникающим, стеклянным взглядом.

— Мы идём в Безумный город, — отрезала она. — Нам не до свидетелей.

— Нам нужно понимать, с чем мы имеем дело, — мягко возразил я. — Мы даже не знаем точно, как этот купол работает. А этот Ферр — единственный, кто видел начало.

Елена сжала челюсти. Я видел, что она хочет отказать, но аргументов не было. Она молча кивнула и первой вышла из таверны.

Хижина старого Ферра стояла на самом отшибе городка — там, где пепельная земля начинала переходить в чахлый кустарник. Дом был собран из обломков андезита, дерева и ржавого железа, и выглядел так, будто держался исключительно на упрямстве своего хозяина.

Хозяин ждал нас на пороге. Невысокий, иссохший старик с длинной мордой — трудно было определить расу, может, шакал, может, койот, а может, просто кто-то, кого время и пепел стёрли до неузнаваемости. Глаза у него были мутные, но острые, и он смотрел на нас с выражением человека, который давно устал от гостей.

— Знаю, зачем пришли, — сказал он, не дожидаясь приветствий. — Нет. Уходите. Имперцы вымотали мне все нервы своей погоней за мной. Я ничего не знаю..... Когда-нибудь потом.

— Мы не имперцы, — начал я.

— Мне всё равно, кто вы, уходите.

Терру уже открыл рот, чтобы что-то сказать, но я тут же

наклонился и поставил на порог перед стариком свёрток с небольшим количеством припасов — лепёшка, сушёный кусок мяса, фляга с водой.

Ферр взглянул на свёрток, его тонкие ноздри раздулись, уловив запах мяса. Он молчал секунд пять, потом вздохнул, схватил свёрток и кивнул в сторону двери.

— Заходите. Только быстро.

Внутри хижина была ещё меньше, чем снаружи. Один стол, два стула, очаг, в котором не горело огня. Ферр сел за стол, развернул мясо и начал жевать, не предлагая нам сесть. Мы стояли.

— Рассказывайте, — сказал я.

Ферр прожевал, отхлебнул из фляги и вытер рот рукавом.

— Я расскажу то, что видел. Но вы должны знать, что я не историк и не мудрец. Я просто пастух, который оказался не в том месте не в то время. И я не знаю, что это значит. Я лишь опишу то, что было. А выводы делайте сами.

Я кивнул. Терру стоял рядом, опершись на посох, с тем самым выражением лица, внимательного слушателя. Елена прислонилась к стене, скрестив руки.

Ферр закрыл глаза и начал говорить.

Рассказ Ферра

Я выхаживал стадо козо-потамов на новое пастбище. Упрямые, вонючие, но такие родные. Я вёл их по полю, в тот день всё было как обычно — трава, ветер, пыль, ничего не предвещало беды.

А потом стадо остановилось. Все вместе разом, как по команде. Замерли, опустили головы и отказались идти дальше. Я напрягся — козо-потамы тупые, но чутьё у них острее, чем у любой стражи. Если они встали — значит, что-то не так.

Я оглядел поле и увидел его.

Купол. Синий, полупрозрачный, слегка мерцающий, как поверхность воды, по которой пустили рябь. Он стоял вдалеке, накрывая собой гору — всю гору, от подножия до вершины. Я и раньше слышал о куполе, конечно. Но видеть его своими глазами — это было совершенно другое дело.

А потом мир будто сломался.

Всё вокруг — трава, камни, небо, мои козо-потамы — потеряло цвет. словно кто-то взял картину и вылил оттуда все краски. Остались только чёрный, белый и оттенки серого. Всё, кроме купола. Купол остался синим. Ярко, вызывающе синим, единственным цветом в мёртвом мире.

И мы начали взлетать вверх.

Медленно, плавно. Камни, комья земли, травинки, мои козо-потамы — всё, что было на поле, включая меня, начало отрываться от земли и ползти вверх.

Вдалеке, у самого купола, я увидел фигуру.

Она шла. Спокойно, размеренно, держа свои руки в карманах мантии, так и ещё абсолютно лысый. А его два глаза с очками светились ярким светом. Он шёл от горы, в мою сторону, с походкой будто закончил свою работу и уходил.

А купол начал пульсировать. Разряды молний — десят-

ки, сотни — сорвались с его поверхности и ударили в небо, как корни перевернутого дерева. Чёрно-белое небо разорвали белыми линиями.

И в этот момент мои чувства уже были за пределами возможного.

Я вдруг ощутил всё окружающее меня в этом мире. Смотрел и ощущал насквозь, прямо в самую суть. Чувствовал страх стадо, их растерянность, их тупое, животное непонимание. Я чувствовал траву под ногами — её безмятежность, её равнодушие, её готовность просто жить до самого конца. Я чувствовал камни — их тяжесть, их древний, неподвижный покой. Я чувствовал гору — её мощь, её вес, её вековое терпение, её непоколебимость перед временем. Чувствовал воздух вокруг себя, её разряженность, будущее, поток.

И я чувствовал сам купол. Он был... непроницаемым, скрывающий в себе что-то внутри ото всех посторонних. Всё, что к нему приближалось, он гнал прочь, не впуская. Он был стеной, и говорил «нет» — чётко и однозначно.

Но во всей это ситуации меня тревожило до глубины души, лишь одна казалось бы незначительная вещь.

Я попытался почувствовать его — как чувствовал всё остальное — и у меня ничего не вышло. Там, где должна была быть сущность, характер, эмоция, — не было ничего. Абсолютная пустота. Чёрная дыра, которая поглощала все мои новые чувства в той точке, не отдавая ничего взамен. Как будто он не существовал вовсе, словно его придумали ско-

рее как движимую картину, а не живое создание. Эта фигура меня пугала своей недоступностью, он был явно чем-то иным, не из нашего мира!

Этот страх пустоты, страх перед чем-то неизвестным, была страшнее чего-либо с чем я до этого сталкивался в своей жизни!

А потом купол начал меняться.

Сначала — мерцание. Синий цвет начал дрожать, как пламя на ветру. Потом по нему пошли красные полосы — как трещины, заполняющиеся кровью. Купол начал заливаться красным цветом и образовывать чёрные трещины.

И вектор изменился.

Купол начал притягивать к себе всех. Он начал будто наоборот из-за всех вил привлекать внимание к своей персоне. И всё — камни, траву, козо-потамов, меня — начало тянуть к куполу. Медленно, неотвратимо.

А потом вспышка.

Яркая, как взрыв звезды. Белая, ослепляющая, поглотившая всё.

Я очнулся лежащим на голой поляне. В одиночестве. Ни стада, ни купола рядом не было. Только выжженная трава и купол вместе с горой.

Но внутри что-то внутри этой горы осталось - нечто манящее и зудящее. Желание идти туда не зная куда. Но я знал, что должен войти внутрь. Это чувство так и не прошло до конца. Оно живёт во мне грузом прямо в сердце, и иногда,

ночью, я просыпаюсь и иду — возможно во тьму.

Ферр замолчал. Открыл глаза. Посмотрел на нас.

— Вот и всё, — сказал он. — Я описал то, что видел и чувствовал. Никаких додумок. Что это значит, откуда взялось и почему — не спрашивайте. Я не знаю.

Тишина в хижине была смолянистой.

Я решил первым нарушить молчание.

— Фигура в мантии и очках и к тому же лысый? — сказал я. — Может это был Чёрный Немезис? Он парил над столицей Империи, с головой короля в руках. Что-то подобное с куполом, возможно ему было под силам.

Ферр пожал плечами.

— Я не знаю, как его называют. И кто он вообще такой.

— Это он, — сказала Елена. Голос её был тихим, но в нём звенела сталь. — Это он запер нас здесь. Это его купол! И мой отряд!. Это всё — его рук дело!

— Мы не знаем, чей это купол изначально, — осторожно возразил я. — Может, его, может, чей-то ещё, но купол точно изменялся из-за каких-то манипуляций с ним, вот что однозначно.

— Какая разница, чей он был раньше? — Елена шагнула вперёд, и в её голосе проступила злость. — Эта тварь специально держит нас всех здесь! Он насмехается над нами, думает о том как мы бегаем туда сюда, как загнанные крысы в клетке.

— Не кипятись, всё произошедшее могло быть случайно-

стью — перебил Терру. Но его голос звучал непривычно серьёзно. — Более того в большей степени в потере твоего отряда виноваты твои командиры, ну или кто там выше тебя стоит. Мы знаем только одно: купол не впускал, а теперь — выпускает и не выпускает. И фигура, которую видел Ферр — с большой вероятностью виновник торжества.

а.. А! Да Елена! Терру прав! Твой отряд явно не должен был бороться с психо-титанами, это же самоубийство! Да ещё и к тому в глушь вас погнали за не пойми чем! - добавив от себя торопливо.

Ферр смотрел на нас с выражением усталого безразличия. — Я сказал всё, что знал, — повторил он. — Все эти тайны не по мне. Больше пожалуй и не о чем говорить, идите уже.

Он встал, забрал со стола остатки припасов и открыл дверь, демонстративно держа её распахнутой. Мы вышли.

Хижина старого Ферра осталась позади. Мы шли через пепельные пустоши, и ветер трепал полы моего худи, а Терру грыз сушёное мясо, шагая впереди, как будто ничего не произошло.

От этой истории, что-то смутное в моей голове начало ёрзать.

Ферр описал фигуру как «чёрную дыру» — место, где чувства заканчиваются. Я вспомнил фотографию, которую открыл в редакции: лысая голова, чёрные очки, мантия. Тогда, в СКР, я воспринимал его как какого-то чудака. Не человек, а просто лицо события.

Теперь я понимал: за ним стоит нечто большее, у него был план, которому явно всё также придерживается. А то, что описал Ферр, — выглядело как неизбежный ход событий.

Елена шла рядом, молча, стиснув кулаки. Я видел, что она хочет действовать — найти, ударить, взорвать, лишь бы утолить свои чувства. Но бить было некого, вокруг нас ни души.

Впереди, на горизонте, пепельные пустоши начинали переходить в нечто другое — землю, покрытую странным, нездоровым фиолетовым свечением.

Терру наконец сглотнул последний кусок вяленого мяса и кивнул куда-то вперёд, туда, где на самом краю горизонта виднелась яркая вспышка света.

— Вот туда нам, — сказал он. — Путь ещё неблизкий.

Я смотрел на это зарево и вдруг поймал себя на желании идти к нему быстрее, чем позволяли мои маленькие пушистые ножки. Что-то поселилось во мне.

Глава 9. Колеблющиеся волны.

Безумный город ещё не был виден, но уже ощущался. Воздух впереди густел, приобретая лёгкий фиолетовый оттенок, будто кто-то растворил в нём чернила — совсем чуть-чуть, на грани восприятия. Зарево на горизонте пульсировало, как сердцебиение чего-то огромного и больного.

Я шёл и ловил себя на том, что ускоряюсь.

Мои ноги сами удлинняли свой шаг, переставая попадать в ритм Терру и Елены. Я замечал это, одёргивал себя, замедлялся, и через минуту начинал снова. Как будто кто-то вкрутил в мою грудь невидимый болт и медленно, равномерно подтягивал меня к себе.

Моё внимание тоже плыло. Я слушал Терру, который рассказывал про то, что фиолетовые зарева в подземельях обычно означают либо присутствие могущественного мага, либо сильную индигестию у подземного дракона — но слова проходили сквозь меня, как сквозь марлю. Я видел Елену, которая шла чуть впереди, чеканя шаг, и думал о том, что где-то впереди есть что-то, что мне нужно обязательно увидеть.

Всё немерено давило на меня, а мой разум опустел.

— Вэйн, — окликнула Елена. — Ты отстаёшь, давай поторапливайся.

Я моргнул. Оказалось, я сбился с шага и ушёл на пару метров правее, в сторону от их тропы. Я вернулся в строй.

— Прости. Задумался просто.

Елена посмотрела на меня, но ничего не сказала.

По пути начали происходить странные вещи, вокруг нас.

Сначала — обломки. Куски дерева, камни, какие-то тряпки, обрывки цепей, ржавые детали — всё это неподвижно висело в воздухе. Будто время остановилось либо мы попали на сцену в слоу-мо. Всё выстраивлось в спираль — широкую, пологую, поднимающуюся от земли к центральной точке на высоте примерно трёх метров, где плотность обломков была наибольшей. Среди хлама где я заметил кости — мелкие, крупные, чей-то череп с остатками рогов — и чей-то скarb: котелок, порванный мешок, детский башмак.

Я узрел странную воронку, она была прозрачная и пульсирующая.

Но сильнее всего поразило не зрелище, а звук. Тишина была такая, что закладывало уши.

Ветер, не перестававший хлестать нас с самого выхода из городка, здесь останавливался, как будто налетел на стеклянную стену. В двух шагах от границы воронки он ещё выл, швырял пыль и песок в лица, а внутри — мёртвая, абсолютная тишина. Ни шороха, ни скрипа, ни дуновения. Даже собственные шаги здесь звучали приглушённо, будто по вате.

Терру остановился первым. Его глаза загорелись.

— Вот это да, — выдохнул он, вращая посох. — Смотрите на это! Да это же чудо чудесное! Я подобное никогда не видел, хотя вроде был кто-то описывавший раньше мне нечто

подобное, но...

Он уже шёл к границе круга, присматриваясь к зависшим обломкам, тыкая посохом в ближайший камень, который даже не качнулся от прикосновения.

Елена повела себя иначе. Она остановилась как вкопанная, в двух метрах от границы, и её уши прижались к голове.

— Это гравитационная аномалия, обойдём его — чётко утвердила она.

— Обойдём? — Терру обернулся, искренне изумлённый. — Елена, это же невероятно! Вот это — явление доказательство ещё большей необычности и таинственности этого купола, оно нам может рассказывать нечто большее, чем мы видим...

— Обойдём, — повторила она, и в её голосе не было пространства для дискуссии.

Терру, однако, пространства для дискуссии не услышал — он уже был внутри круга, ходя между зависшими обломками, как между экспонатами в музее, и что-то бормоча себе под нос. Елена, раздражённо фыркнув, пошла вдоль границы, явно намереваясь обойти аномалию по дуге.

— Эй Терру, не уходи далеко! — крикнула она.

— Я тут, рядом! Не переживай ты так! — донеслось изнутри. — О, смотрите, чей-то сундук! Закрытый! Интересно, что внутри...

Елена развернулась, чтобы идти к нему и вытащить, и на секунду обе стороны — Терру, ушедший вглубь воронки, и

Елена, идущая вдоль её края — оказались заняты. Спиной ко мне.

А я стоял на месте и слушал гул в своей голове.

Это не было голосом и даже чьей то мыслью. А скорее тикающей щекоткой по мозгу, который невозможно почесать, как тяжесть в груди, которая облегчается только движением вперёд. Мои ноги сделали шаг. Потом ещё один. Я и сам не заметил, как попёр к центру.

Обломки проплывали мимо меня — камень, доска, чей-то порванный плащ, череп. Я даже не всматривался в них. Я смотрел вперёд, туда, где спираль сжималась, и плотность предметов была наибольшей, и где что-то — я не мог объяснить что — ждало.

Шаг. Ещё шаг. Тишина давила на уши, как вата. Ветер снаружи — далёкий, забытый. Мир сузился до конуса из мусора и костей, и я шёл в его горловину.

Я не помню, когда именно перестал контролировать ноги. Просто в какой-то момент понял, что не могу остановиться. Тело шло, и я шёл вместе с ним, как пассажир в собственном теле.

А потом я увидел его.

Странного таинственного незнакомца. Он стоял в самом центре воронки — если «стоял» было подходящим словом. Он скорее парил или даже отсвечивал, как зажжённая лампа с проекцией. Синий, полупрозрачный, весь состоящий из мягко мерцающих линий и плоскостей, будто кто-то вырезал

его из мягкого камня и забыл добавить непрозрачности. На его затылке медленно вращался металлический нимб испускающий электрические разряды по своей окружности, таких спокойных и гармоничных, будто бившиеся в такт музыки.

Он был красив. Это было первое, что я подумал, и эта мысль испугала меня больше, чем всё остальное.

Красив не как модель или персона. Красив, как древнегреческие скульптуры из мрамора, как бывают красивы и умудрённые математические формулы, без единого изъяна, который выдавал бы в нём что-то живое и природное. И именно смотря на эту безупречность, мои инстинкты били тревогу, но сразу же успокоились с момента вылившегося из его уст слов.

— Не подходи ближе, — сказал незнакомец.

Я остановился, машинально ни на секунду не задумывавшийся, что мне именно мне сказали перед этим.

Голос был мягкий, с лёгким, едва уловимым резонансом, как звук, пропущенный через кварцевый кристалл. С оберегающим и предупредительным тоном.

— Центр нестабилен, — после его слов в воронку попал ботинок и тут же разорвался на части—Видишь! — продолжил он. — Ещё шаг, и тебя начнёт разрывать также. Вектор движения здесь слишком плотный для живого тела.

У меня не было слов. Сердце колотилось, но внутренний гул сполз с меня, после того как он заговорил со мной. Ко мне теперь пришла ясность ума, вместе с пронизательно-

стью глаз, словно мне протёрли запотевшие стёкла.

— Ты чувствуешь тягу, да? К этой башне, центру этого маленького мира. Сразу тебе отвечу Вэйн, это всё были не твои чувства, а лишь проекция купола, висевшая грузом на тебе. Он тянет всех, кто снаружи, а внутри никого не выпускает. Ты явно особенно чувствителен к данному проявлению, ты как особенная снежинка, Вэйн.

Я хотел спросить, откуда ему ведомо моё имя, откуда знает про всё происходящее под куполом.

А из моего горла так и не выдавилось ни единого слова.

Где-то за спиной раздался голос Терру:

— Вэйн?! Вэйн, ты где?! Котёночек, ну не прячься же от нас!

Я обернулся. Терру стоял на краю воронки, вертя головой, его касая съехала набок от резкого оборота в мою сторону. Елена уже бежала ко мне, и в её глазах горело недовольством и явно мною.

Я повернулся обратно. Синяя фигура стояла на месте, и его нимб мерцал спокойно, ровно.

— Они идут, мои... попутчики — сказал он. — Это же отлично! Твои друзья рядом и пришли к тебе на помощь.

— Друзья?.. А почему? — спросил я.

— Потому что поодиночке вы здесь не выживете, — ответил он, приложив свой палец к моему носу. — Вы нуждаетесь в друг друге, всегда помни об этом.

Терру подбежал первым, запыхавшись.

— Вэйн! Ты чего там... — Он увидел синюю фигуру и замер. — Подожди. Это ты! Ты — тот самый! Тот, кто поведаль мне ключ и подсказал дорогу к Вэйну!

Елена подошла следом и встала рядом со мной, её перчатки сжались в кулаки.

— Какой ещё ключ? — спросила она. Её голос был сначала тихим и невинным

— Какой. Ключ. Терру! — повторила Елена, уже грозным тоном.

Я с Терру переглянулись. Я видел, как у него в голове прокручивается примерно та же мысль, что и в моих — тихий ужас осознания, нашего общего крупного просчёта.

— Ну, — начал Терру, почёсывая затылок, — мы, это... помнишь, я рассказывал, как нашёл Вэйна? Что синий мужик сказал мне про ключ от Техно-Башни? Ну, вот. Ключ. был. У него. Потом его украл один Рыцарь. В общем... да.

В глазах Елены вскипала ярость, она уже была готова убить нас двое прямо здесь и сейчас.

— У вас идиотов было столько времени, рассказать мне такую важную информацию. - произнесла она с маниакальным шёпотом.

Терру собирался открыть рот, как тут же его прервали.

— Нет, — отрезала она. — Молчи. Вы что оба не доверяете мне!? То есть вы хотите сказать, что я не ваш товарищ!?

— Послушай наши совместные узы не рухнут из-за... — воскликнул я.

— Нет ключа, нет пути домой, мы здесь застряли навечно! Вы что думаете, что это просто какое-то весёлое приключение! — она всплеснула лапами. — Вас надо заставить отжиматься тысячу пока я буду сидеть на ваших спинах и у вас позвонки не отломаются, подтягиваться по сотню раз пока руки не оторвутся, бегать по сотню километров пока вы не начнёте харкать кровью!!!

Можно по отжиматься? - произнёс я шёпотом

Хххааа? - удивился мне Терру.

А Елена всё продолжала накидывать, даже не слушая нас.

Терру виновато развёл руками. Я опустил голову, чувствуя, как маска становится горячей от стыда. Её тон как снаряд уже пробивал любую броню, включая мою маску.

Под конец Елена с заплаканным видом сказала.

— Я думала, что мы друзья..... Что я для вас значу, нечто большее чем просто знакомый.

Синяя фигура наблюдала за этой сценой с тихим, мягким вниманием. А потом — не громко с теплотой рассмеялась.

Елена повернулась к нему, и в её глазах полыхнуло.

— Ты. Ты что, смеёшься? Я не посмешище!

— Извини, просто... «синий мужик». За всю вечность меня ещё так никто не называл.

Он выпрямился, и нимб над его головой чуть разгорелся.

— Но прежде чем мы продолжим, позвольте мне кое-что сказать. — Его голос стал серьёзнее. — Елена я вижу раскол в твоей душе, после произошедшего с тобой, но вам нужно

всецело доверять друг другу. Никто не желал тебя обидеть, ты сама интерпретировала всё в негативный окрас.

Елена поджала губы, но промолчала.

— Итак, внемли те. Меня зовут Механический Мессия. Я дух и хранитель Техно-Башни. В данный момент моё ядро всё ещё заперто внутри Башни, а перед вами лишь моя голограмма. Я не могу оттуда выйти, поэтому являюсь к вам в таком виде.

— Дух башни, — повторила Елена скептически.

— Если угодно — Вообще я скорее сис-админ — ответил Мессия с лёгкой улыбкой. — Но это для вас не так и важно. Башня окружена Психо-Титанами, как вы уже могли знать, обступив её со всех сторон. Они пытаются сломать щит, стены, пробить фундамент, уничтожить то, что осталось внутри и я не в силах их остановить.

— А почему и как они там оказались, вы случайно не знаете? — спросил я с любопытством.

Мессия помолчал, затем его лицо приобрело максимально угрожающий и серьёзный вид.

— Потому что их привёл тот, кто захватил Башню, — сказал он, и его голос потемнел. — Тот кто называет себя Спиритом. Его настоящее имя мне не известно, но появился он давно — высокий, в чёрной мантии, латексных перчатках, чёрных очках. Абсолютно лысый, без бровей. Он выглядел... прямо как Спириты, но искажённый и злой.

Я почувствовал, как у меня по спине пробежал холодок.

— Это Чёрный Немезис, — сказал я. — Тот, с той самой фотографии. Тот, кого видел Ферр.

— Чёрный Немезис, — повторил Мессия, будто наслаждаясь. — Имя... скорее всего имени у него и нету вовсе. Но если так его прозвали — пусть будет так. Чёрный Немезис пришёл к Башне, взломал систему безопасности, проник внутрь и изменил код купола, который должен был защищать артефакт находящийся в Башне. Перед тем как изменить купол он впустил Психо-Титанов, затем запер их и те в отчаянной попытке пытаются сломать башню, в надежде выбраться.

— А если они всё же сломают башню, сможем ли мы освободиться! — Елена подалась вперёд. — Надо же просто уничтожить источник энергии купола и на этом всё!?

— Нет я не готов подвергать артефакт опасности, да и к тому дестабилизацию купола далеко не все смогут переживут — ответил Мессия.

Тишина.

— А ключ всё ещё у Рыцаря Тьмы? — поинтересовался Терру.

— Да — чётко дал ответ Мессия.

— А вот сам Рыцарь. Ты же должен знать где он?

— Знаю, сейчас он в азотных топях. Это буквально в противоположном направлении от фиолетового города. Вооон там. — Мессия указал куда-то в огромную расщелину вдалеке.

Он посмотрел на каждого из нас по очереди.

— Выбор за вами. Я вас ни в коем случае не тороплю, сам же имею медленное восприятие времени и умею ждать. — Прощайте! —

Мессия растворился, как догоревшая лампа, и через секунду от него остался только быстро рассеявшийся лёгкий запах озона.

Воронка в том месте всё также пульсировала.

Терру нарушил сложившуюся тишину.

— Азотные топи, — сказал он, постукивая посохом по земле. — Я пойду туда один.

Елена повернулась к нему.

— Ты в одиночку сдохнуть захотел?

— Терру! — попытался вмешаться я.

— Я действительно совершил ошибку, оступился. — он повернулся к нам, и в его голосе не было ни бравады, ни простодушия. — Рыцарь Тьмы убил пятерых за секунду, не поперхнувшись. Если я пойду один, то вы точно останетесь живы.

— И что с того? — Елена скрестила руки. — Ты пойдёшь один и умрёшь по пусто, ради крохотного шанса?

— Да, — ответил Терру. — Я был закалён специально для таких ситуаций.

— Нет уж! Это даже не партизанская миссия, ты просто в тупую выбежишь на танк и на этом твой путь закончится!

— Не жил бы я сейчас живу, если бы боялся чего-то подобного — ответил Терру. — Не отправился бы под купол,

не встретил вас.

— Ну и вали, я тогда тоже отправлюсь одна!.

— На том и порешили...

Елена открыла рот, но я её опередил.

— Даже не думай!

Они оба повернулись ко мне.

— Даже не думай, — повторил я. — Никто никуда один не идёт.

— Верно Вэйн — начала Елена.

— Послушай, — я поднял руку. — Я только что... Я только что стоял возле центра этой воронки. Меня бессознательно туда тянуло и если бы не Мессия меня с вами уже не было бы.

Я взглянул на Терру.

— Ты говоришь, что не боишься смерти, но разве ты больше всего не боишься потерять всё? А если тебя убьют, и мы будем живы — что тогда? Мы будем живы, и одиноки. Умрём от печали, без тебя и на этом наши пути разойдутся.

Терру щурился.

Я повернулся к Елене.

— А ты говоришь — в город одна. Разве в той клетке ты не успела ощутить страх и бессилие от одиночества?

Елена дёрнулась, как от пощёчины. Я видел, что она хочет огрызнуться, но не нашла, чем.

— Я на собственной шкуре понял, что делает с человеком одиночество под этим куполом. Пока висел на том дереве и

жалел обо всём на свете.

Тишина.

Елена и Терру посмотрели друг на друга. Я стоял между ними, тяжело дыша, и впервые за весь наш путь чувствовал в себе решимость и готовность к действию.

— Вместе, — сказал я. — В город. Потом — к топам. Потом — к Башне. Всё вместе и никак иначе.

Терру первым кивнул. Не сразу — секунду помедлил, будто взвешивая. А потом кивнул, и его каска качнулась.

— Вместе, — повторил он.

Елена молчала дольше обычного.

— Да... Общим и дружным отрядом! — сказала она наконец, и это слово далось ей с видимым трудом.

Мы развернулись и пошли. Воронка осталась позади — как и наши разногласия. Мёртвая тишина внутри круга, вой ветра снаружи.

Я оглянулся последний раз. Мне показалось что воронка исчезла, также как и Мессия.

Впереди, на горизонте, фиолетовое зарево пульсировало, как сердцебиение. Безумный город нас ждал.

Глава 10. Тёмная длань.

Скалистая местность навалилась на нас постепенно — сначала одиночные валуны, потом стены из серого, потресканного камня, сужающие тропу до размеров коридора. Воздух здесь был другим — суше, холоднее, и тот лёгкий фиолетовый оттенок, который сопровождал нас с самого выхода из пепельных пустошей, здесь ложился на камни странным, неживым свечением, будто кто-то подсветил местность изнутри.

Елена шла молча.

Она шла, опустив голову, с пустым взглядом, не замечая ни камней под ногами, ни фиолетового оттенка на стенах. Её правая рука висела вдоль тела, как провод, и даже берет, съехавший набок, не удостоился её внимания. Ни шутки, ни слова от нас до неё всё никак не доходили.

Мне пришлось начинать первым.

— Елена, знаешь, чем отличается пессимист от оптимиста? Пессимист знает, что всё плохо. Оптимист — надеется, что будет хуже. Так вот, я оптимист.

В ответ ничего. Впрочем, неудивительно, я даже собственным словам не верил.

Терру, шедший впереди, развернулся спиной вперёд — думая, что это для «лучшего обзора окрестностей» — и начал рассказывать:

— А вот в одном монастыре на востоке был монах, который три года вообще не разговаривал. Ни единого слова не было из его уст. Все гадали и думали — просветление, медитация, вот это всё там. А потом он как заговорит — и оказалось, что он просто забыл, как это делается. За три года рот забыл, что такое слова. Пришлось заново учиться, как маленькому ребёнку. Начинал с «да» и «нет», потом перешёл на существительные, к концу года уже мог составлять предложения из...

Елена даже не моргнула.

Терру посмотрел на меня. Я пожал плечами. Он вздохнул, развернулся обратно и замолчал — может быть, впервые за весь наш путь, столь отчуждённо.

Её молчание не давало мне покоя. Я всё думал и никак не решался, может оставить её в покое или наоборот пытаться из-за всех сил поднять настроение. Может, и не стоит пытаться дальше, раз уж не знаю как. Или это будет лишь означать, что мне на неё плевать? Видно я выбрал молчание, когда продолжал это делать погрузившись в свои же раздумья.

Мы вышли на небольшое плато — ровный, открытый участок камня между двумя рядами скал, — и остановились, и не увидели.....

Тела.

Их было много. Двадцать, может, тридцать. Может, больше — трудно было счесть, потому что некоторые лежали друг на друге, некоторые — в кучках. Воины, наёмники, ис-

катели приключений — судя по экипировке, разношёрстный отряд, собранный из всех фракций, какие только существовали под куполом. Имперские знаки отличия на одном, бомбославские погоны на другом, гильдейские нашивки на третьем. Все — мертвы.

Я подошёл ближе, и меня смутила одна деталь.

Это была не бойня или сражение с другим отрядом. Это было что-то другое. Воин с мечом, воткнутым в спину товарища. Лучник, задушенный голыми руками, с пальцами убийцы всё ещё сжимающими его горло. Кто-то лежал, вцепившись зубами в шею соседа, а сосед, в свою очередь, держал кинжал в его глазнице. Они перерезали друг друга, но как такое могло произойти если они по идее были отрядом или каким образом встретились в одном месте все разом, раз уж ненавидели друг друга всем сердцем?

— Это всё очень странно, — тихо сказал я. — Посмотрите. Нет следов чужого оружия. Только своё. Они просто... повернулись друг против друга.

Елена наконец вышла из своего оцепенения. Её глаза сузились, она начала осматриваться — не на тела, а по периметру, с профессиональной цепкостью командира, оценивающего местность на предмет угрозы.

Терру тоже изменился. В одно мгновение из простодушного балагура он превратился в человека, на стрёме. Его посох лёг в боевую позицию, тело опустилось чуть ниже, центр тяжести подался вперёд.

— Прижаться друг к другу, — коротко скомандовал он. — Треугольник. Я — впереди, Елена — справа, Вэйн — слева. Спины вместе. Не расходиться.

Мы выполнили построение без единого слова. Терру выставил посох перед собой, Елена сформировала в ладонях тёмно-красные патроны. Я остался без оружия — как обычно.

А Ветер начал гудеть, прямо со всей дури.

Низкий, протяжный, на грани слышимости звук, как будто кто-то натянул огромную струну и медленно тянул её до предела. Фиолетовый оттенок начал разбавляться чёрными красками а сам оттенок вокруг стал ещё гуще, словно воздух пропитался чернилами. Вдалеке — за скалами, за каменными стенами — завывало. То ли ветер, то ли какое-то странное животное, до конца не было ясно. Звук, от которого шерсть на загривке встала дыбом.

Я оглядывался по периметру. Медленно, контролируя каждый сектор. Скалы слева — пусто. Проход сзади — пусто. Тела на плато — неподвижны. Справа — валун, небольшой, размером с человека. Ничего особенного. Обычный камень.

Мой взгляд ушёл дальше и завернул за камень, а из-за камня показалась фигура.

Рыцарь Тьмы стоял за валуном. Не вышел, не появился — просто стоял, как будто был здесь всегда, с самого начала, взял просто и материализовался из ниоткуда. Чёрная бро-

ня, ошетилившаяся шипами, тускло поблёскивала в фиолетовом свете. Двуручный фламберг — огромный, волнистый, тяжёлый — в латной руке. А на голове — маска. Демоническая, с клыками и пустыми глазницами.

А выражение этой маски проявляло лишь лютую горечь и скорбь, как при трауре на похоронах любимого родственника.

Самое жуткое в этом было, лишь то, что это всё ничего не значило, сейчас нам уготовили лишь смерть. А эта маска лишь саркастично скорбела по нашим бездыханным телам.

Терру закричал — Берегитесь!

Я открыл рот, чтобы крикнуть, но не успел даже пискнуть.

Вокруг всё потемнело, будто весь мир резко обернуло в огромный плед. Я не видел ничего — абсолютная, крошечная темнота, когда закрываешь глаза в тёмной комнате.

Звук тоже исчез. Я кричал — или думал, что кричу — и не слышал собственного голоса. Мои руки шарили вокруг, но не находили ничего. Камень, на котором я стоял секунду назад, исчез. Воздух исчез, Мир исчез! Я совершенно ничего не понимал.

Осталась только темнота и я.

А потом меня ударило.

Взрывной волной — в грудь, в живот, во всё тело разом. Я полетел, не понимая куда, — вверх, вниз, вбок, всё слилось. Удар пришёл снизу — лбом о что-то твёрдое и холодное. Столб. Вроде каменный или не совсем? Боль белой вспыш-

кой прострелила череп, и на секунду я увидел звёзды — настоящие звёзды, белые, яркие, как будто кто-то рассыпал горсть искр по чёрному холсту.

Я повис на столбе, обхватив его руками, повернулся и осмотрелся. В темноте я уловил какой-то белый лязг и в ту же секунду по мне прошёлся порез.

Такой жгучий, как раскалённая проволока, проведённая по коже от левого плеча до поясницы. И я тут же вспомнил. Фламберг. Волнистое лезвие, которое не режет — рвёт, оставляя рваные, горящие, как от ожога, раны. Его ещё называли Огненный меч — именно так он ощущался: будто меня прошлись пламенем, выжегшим полосу насквозь.

Я закричал, мир не слушал.

До меня наконец-то дошло, что это враг и из реального мира он походу не исчез или каким-то образом атакует меня из этого. Я не понимал, что мне делать, но вместо раздумий просто действовал.

Концентрация.

Это слово всплыло откуда-то из глубины — не из памяти, а из тела, из мышц, из двух лет тренировок в Инчипе. Мастер говорил: «Когда больно — дыши ровно и спокойно. Когда страшно — смотри в лицо опасности, не отводя взгляда. Когда не видишь — чувствуй всё вокруг себя.»

Я дышал. Вдох — выдох — вдох. Боль не ушла, но отступила на шаг, давая мне пространство для разума.

Тем же, что позволяло мне видеть слабые точки на телах

скелетов, трещины в броне, стыки в сочленениях, я что-то да начал видеть. Только здесь это работало иначе. В чёрной, абсолютной темноте появилась линия. Белая, тонкая, оставляющая за собой шлейф, как от горящей спички, которую кто-то провёл по воздуху.

Оно взмахнуло в мою сторону.

Я отпрянул. Линия прошла там, где секунду назад была моя шея. Ещё одна — справа, снизу вверх. Кувырок. Ещё — косая, от плеча к бедру. Прыжок назад.

Град атак. Я не видел самого Рыцаря, лишь удары. Каждый взмах меча оставлял в темноте белую линию, и эти линии складывались в рисунок — хищный, точный, безупречный. С каждым ударом он был всё агрессивнее, и каждый удар был направлен на то, чтобы убить, одним махом.

Я уворачивался инстинктивно и отчаянно, как уворачивается мышь от когтей кота. Но я уворачивался, и каждый раз белая линия проходила в миллиметрах от моего тела. И я заметил, что в этой темноте я начал видеть своё тело, в белых и полупрозрачных красках, оно будто состояло из множества маленьких точек. В какой-то момент я почувствовал, растерянность противника, теперь не я жертва, а он.

И тогда мой кулак начал светиться.

Я не заметил этого сразу — в темноте любой свет привлекает внимание, но этот было чем-то другим. Он шёл не снаружи, а изнутри. Моя правая рука, сжатая в кулак, начала мерцать белым, чистым, ровным светом, как маленькая

звезда, зажжённая в ладони. Я не понимал, что это и откуда оно. Но инстинкт — тот же, что видел белые линии и слабые точки — кричал: БЕЙ.

Я ударил, буквально вслепую, со всей моей мощи. Далее ощущалось отталкивание чего-то большого в противоположную сторону от моего кулака. Сила удара ощущалась, как что-то чёткое и элегантное, будто все мои удары всегда бьют ровно в цель.

Завеса упала.

Чёрный дым рассеялся, как порванная ткань, и мир вернулся — сразу, целиком, с грохотом камня, воем ветра и фиолетовым светом, ударившим по глазам. Я стоял с вытянутым вперёд кулаком, всё ещё светящимся белым, и передо мной, отлетая назад, кувыркаясь по камню — катился Рыцарь Тьмы.

Я ударил его, не зная куда, и он отлетел.

Мои руки дрожали и сильно устали, всего от одного удара. Свет на кулаке угасал, как догоревшая спичка. Я тяжело дышал, и каждый вдох отдавался жгучей болью в порезе на спине.

Я оглянулся.

Елена стояла в стороне — метрах в десяти от меня, у самого края плато. Она стояла неподвижно, отвернувшись, глядя куда-то в сторону скал. Её руки висели вдоль тела, перчатки скомканы, берет съехал на ухо. Её лицо было пустым — не злым, не испуганным, скорее невинным. Может она просто

так пугается?

Терру сидел на фирменном столбе.

Верхом, как на лошади, свесив ноги, опираясь посохом о своей же столб. Его кася съехала на глаза. Он явно был растерян.

Они не понимали, что делали. Чёрный дым — та же магия, что заставила разбитый отряд перерезать друг друга — управляла ими как марионетками. Ничего не видя, для отряда все казались врагами. Теперь я думал о том, почему я смог что-то разглядеть, в чём фокус?

Не время для размышлений.

Рыцарь Тьмы уже поднимался.

Он встал ловко и быстро, даже броня не издавала лишнего шума. У него на груди была вмятина — неглубокая, но заметная, в том месте, куда видимо пришёлся мой кулак. Фламберг по-прежнему в руке, волнистое лезвие тускло поблёскивало.

А потом его правая перчатка начала светиться.

Сфера, вкрученная в ладонь — тёмная, почти чёрная, с тёмно-фиолетовым пульсом внутри — разгоралась, как уголь, раздутый мехами. Сейчас что-то будет, это всё что я понял.

Его рука стремительно поднялась — в мою сторону.

Я застыл не зная, что делать и чего ожидать. Сфера нацелилась ровно на меня, и я видел, как она была готова вот вот что-то выплеснуть.

Удар.

Меня пнули сзади. Еленин сапог врезался мне в бок, отшвыривая в сторону. Я покатился по камню, сбитый с ног, и в тот момент, когда я был уже в полёте, увидел: Рука Рыцая была направлена прямо на неё.

Затем.

Тонкая, как нить линия, прочертившая воздух возле её правого плеча, возникшая из ничего, — и её рука отделилась от тела.

Ровным разрезом ножа по тарту. Рука упала на землю, глухо и неприятно.

Крови было немного — магия запечатала рану, оставив ровный, опалённый по краям срез. Но это было зрелище, от которого мир поплыл у меня перед глазами, мне было тошно.

Елена посмотрела на обрубок плеча. Секунду. Может, две.

Потом разъярённая ярость, она была готова не просто порвать, а уничтожить рыцаря.

Молчаливая, абсолютная, концентрированная ярость, которая сделала её лицо чужим, незнакомым, пугающим. Глаза загорелись, шерсть встала дыбом, и от неё повеяло таким жаром, что я почувствовал его с пяти метров.

Она рванула.

Рыцарь Тьмы поднял руку — для следующего удара, своим мечом. Но Елена была быстрее. Левая рука сформировала снаряд, просто невероятно огромный, тёмно-багровый, толстенный так сильно, что от него пошла рябь в воздухе.

Снаряд, рождённый не из расчёта, а из ярости — самой чистой, самой мощной формы её магии.

Она ударила его кулаком в грудь. Снаряд стукнулся об броню и детонировал.

Рыцарь Тьмы отлетел и впечатался в камень. Его броня была вся обгорелая, части лат рассыпались, а клинок надломился пополам. Демоническая маска отделилась последней, ударилась о камень и раскололась надвое. Две половинки лежали на земле, и даже разбитая, даже мёртвая — маска продолжала скорбно улыбаться.

Тишина.

Вдруг рыцарь берёт остаток меча и суёт себе прямо в горло, больше ничего не было слышно, виднелась лишь стекающая вниз кровь

Ветер стих. Фиолетовый свет лёг на останки, на камни, на тела, на нас — ровным, безразличным свечением.

Терру спрыгнул со столба. Секунду стоял, моргая, как человек, очнувшийся ото сна. Потом увидел Елену — и побледнел.

— Елена!

Он подорвался к ней. Она стояла, шатаясь, с одним пустым рукавом, пропитанным кровью. Форма на правом плече висела лоскутами, обнажая опалённый срез. Терру взял ткань из рюкзака полил её раствором и начал перебинтовывать обрубок — быстро, умело, явно делая это не впервые. Его руки без единой дрожи, работали чётко.

— Держись, держись, — бормотал он. — Не смотри туда. Смотри на меня. Держись.

Елена молчала, как убитая, в её глазах лишь виднелась неотвратимая судьба.

Я подорвался к разбитому отряду. Не к Рыцарю — к телам. Лихорадочно, не думая, обыскивал убитых, переворачивая мёртвые, холодные тела, шарясь по карманам, по сумкам, по ящикам. Аптечка. Зелье. Бинт. Протез. Что угодно, что могло помочь.

Среди хаоса, крови и обломков — ящик. Небольшой, металлический, прямоугольный. На удивление чистый, как будто его только что поставили сюда, среди грязи и трупов. Я открыл — пустой. Чистый, прям стерильно, такое бывает пожалуй только в медицинских палатах.

Не зная сам толком зачем. Просто побежал обратно, к тому месту, где Елена потеряла руку. Поднял её с земли — правую руку Елены, всё ещё в перчатке, всё ещё с погоном на рукаве — и аккуратно, бережно, как будто это было что-то хрупкое и ценное, положил в ящик. Закрыл крышку.

Подошёл к Елене. Терру заканчивал перевязку, затягивая последний узел. Я стоял перед ней, держа ящик в руках, и маска моя была мокрой от пота и крови.

— Всё будет хорошо, — сказал я, нервно и запыхаясь. — Мы найдём лекаря. Всё будет хорошо.

Я не знал, правда ли это. Мне оставалось только искренне в это верить. Ибо ничего более и не оставалось.

Елена посмотрела на ящик. Потом на меня, молча её левая рука — единственная — чуть сжала мой локоть, а затем отпустила.

Труп Рыцаря Тьмы валялся на плато, как мусор после бури. Мы обыскивали его молча — Терру и я, пока Елена стояла чуть в стороне, прислонившись к скале.

В его кармане мы нашли лишь две вещи.

Первое: синеватый треугольник с пульсирующим шариком внутри. Целый, невредимый, будто взрыв его не коснулся. Тот самый ключ от Техно-Башни. Я взял его в руки, и шарик внутри мигнул, как будто узнал меня лично.

Второе: дневник. Небольшая, потрёпанная книжка в чёрной обложке, спрятанная в складках плаща, который каким-то чудом уцелел при взрыве. Я открыл её и начал читать.

Почерк был неровным, хаотичным, с надрывом — как у человека с шизофренией или другими проблемами с психикой.

«Я не помню, когда это началось. Может, когда я произнёс слова. Может, раньше. Может, всегда.

В обмен на запретную магию я потерял человечность. Не сразу — по кусочкам. Сначала ушло сострадание. Я заметил это, когда увидел раненого ребёнка и ничего не почувствовал. Просто посмотрел и пошёл дальше. Потом — страх. Я перестал бояться. Чего бояться, если тебе ничего не угрожает? Потом — радость. Всё, что радовало, перестало радовать. Еда потеряла вкус. Солнце — тепло. Го-

лоса близких — смысл.

Осталось одно.

От каждого убийства мне было так приятно, что я чуть ли не начинал стонать. Чувство, которое заменяло мне всё — сострадание, страх, радость, любовь. Всё. Один момент, один взмах, один крик — и я жив. Я чувствую. Я существую.

Без этого я страдаю. Тупая, ноющая, вечная печаль, которая ничем не заполняется. Не еда, не сон, не женщины, не вино, не молитвы. Ничего. Только убийство. Только чужой конец, который на секунду даёт мне иллюзию собственного начала.

Я пришёл под купол не ради артефакта. Не ради власти. Не ради Шанкса или кого бы то ни было. Я пришёл в надежде найти что-то, что утолит мою боль. Что-то, что заменит убийство. Что-то, что позволит мне перестать чувствовать эту ношу.

Я не нашёл.

Маска скорбит. Я уже не способен. Я больше не могу так жить.»

Я закрыл дневник. Руки дрожали.

Терру стоял рядом, заглядывая через плечо. Ему нечего было сказать. Это всё словно длинная кошмарная ночь и мы должны были проснуться, совсем скоро. Но не сейчас.

Елена смотрела на осколки маски. Две половинки, лежащие на камне, с застывшей скорбной улыбкой. Её лицо было

непроницаемым, но я заметил её рука, чуть дрожала.

— Я вижу вам нужен лекарь.

Голос пришёл откуда-то сбоку. Мы обернулись — Мессия стоял в трёх шагах от нас, синий, полупрозрачный, с тихо мерцающим нимбом. Я смотрел на него с нескрываемой надеждой, он был единственным лучиком надежды в этой непроглядной тьме. Мессия осмотрел сцену — труп Рыцаря, перевязанную Елену, ящик в моих руках, ключ в моей ладони — и его лицо потемнело.

— Я знаю одного, — продолжил он. — Он под Безумным городом.

— Безумный Город? — переспросил я. — Под городом?

— Безумный город стоит на фундаменте, — объяснил Мессия. — Под ним — технические туннели, он где-то там. Поторопитесь.

Он указал направление — куда-то к юго-востоку, туда, где фиолетовое зарево разрасталось, заполняя горизонт.

— Через технические туннели в основании купола, — сказал он. — Я покажу вход.

Перед уходом он обернулся. Его взгляд скользнул по ящику в моих руках — и задержался на нём. Выражение его лица было сложным, не читаемым. Что-то на стыке жалости, расчёта и растерянности.

Он кивнул нам. И исчез.

Мы не должны терять времени! — воскликнул Терру и все сразу подорвались с места.

Мы бежали к Безумному городу.

Терру поддерживал Елену с одной стороны, придерживая за левое плечо. Я нёс ящик с её рукой. Фиолетовое зарево на горизонте разрасталось, заливая небо болезненным, нездоровым светом.

Я думал о дневнике.

О том, что Рыцарь Тьмы потерял человечность — по кусочкам, постепенно, пока от него не осталась только маска, которая скорбит за него, потому что он сам больше не может. О том, что он пришёл под купол не ради власти, не ради артефакта — а просто потому, что сам страдал от проклятия. И искал то, что утолит боль. И видимо нашёл.

Чтоб ему пусто было! Как так наша судьба сложилась?

Затем я немного остыл и думал о том, что под куполом каждый понемногу теряет себя. Елена теряла своих людей и даже руку. Терру терял свой оптимизм с каждым разом. Я терял безразличие, которое так долго служило мне бронёй.

И единственное, что удерживало от падения — это люди рядом. За которых нужно было цепляться из-за всех сил в этом жестком мире. Одиночество даже печальнее потери.

Фиолетовое зарево впереди, предзнаменовала нам что-то огромное и болезненное.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.